

Федеральная просветительская газета

ТАТАРСКИЙ МИР

№ 3 (6410) 2018

ДӨНЬЯСЫ

«Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель – тонуть»

Из договора между князем Владимиром и предками татар – болгарами в 985 году («Повесть временных лет»)

Миля Нуруллина «Любовь к трем апельсинам».

Уроки
Абдуллы
Асадуллина

с. 6

На страже
здоровья

с. 4-5

По морю жизни

с. 8-9

Ученый
с сердцем
поэта

с. 12

Язык - лицо этноса

с. 11

Хасан ТУФАН

ПРЕКРАСЕН ЭТОТ МИР

Этот мир... Он же просто прекрасен!
Ты слова мне в дорогу дала,
Что полны, словно песня, тепла,
Свет очей, что задумчив и ясен.
Этот мир... Он же просто прекрасен!

Ты хоть в письмах ко мне приходи.
Пробирайся ко мне по улыбкам,
По сердцам, как по мостикам, зыбким,
Через реки, ветра и дожди...
Хоть в легендах ко мне приходи.

Этот мир... Он же просто прекрасен,
Если ждет тебя преданный взгляд,
И два слова заветных звенят
Всю дорогу, и выбор твой ясен.
Этот мир... Он же просто прекрасен

Перевод Р. Морана

КАЗАНЬ

В Казанском Кремле состоялось вручение Государственных премий РТ в области науки и техники за 2017 год. Три из пяти отмеченных работ — в области медицины. Среди награжденных - коллектив ученых Национального медицинского исследовательского центра кардиологии (Москва) и производственников Казанского медико-инструментального завода под руководством доктора медицинских наук, академика РАН Рената Акчурина. «Мы это делали 30 лет, шаг за шагом, осваивая то, что было наработано ранее, шли к тому, что создали сейчас», — рассказал лауреат госпремии Ренат Акчурин и добавил,

что авторским коллективом проведена большая работа по созданию новых видов микрохирургического инструмента и наборов для сосудистой и коронарной хирургии. По словам кардиохирурга, в последние десятилетия эти инструменты очень популярны в России. «Их покупают и за рубежом и ставят клеймо как свое. Я с удивлением это увидел на международной выставке в США», — подчеркнул академик. Поздравляем председателя редакционного совета нашей газеты, уважаемого Рената Сулеймановича Акчурина, группу лауреатов со столь высокой наградой!

МОСКВА

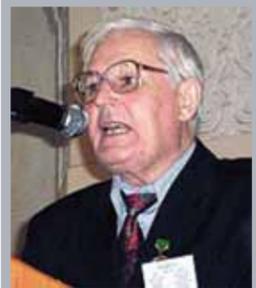
Стал известен лонг-лист номинантов высшей национальной театральной премии «Золотая маска» на 2018 год. Впервые в конкурсной программе фестиваля участвует татарский драматический театр из Альметьевска. Спектакль «Магазин» заявлен в четырех номинациях: «Работа режиссера» (Эдуард Шахов), «Работа драматурга» (Олжас Жанайдаров), «Женская роль» (Диляра Ибатуллина, Мадина Гайнуллина) и «Спектакль малой формы». Еще одна постановка из Татарстана — балет «Зов начала» — представлен в номинациях «Современный танец», «Работа балетмейстера-хореографа» (Марсель Нуриев) и «Мужская роль» (Нурбек Батулла). Создатели спектакля — фонд культурных инициатив «Творческая среда» и театральный проект «Камень. Облако. Птица» в Казани. Кроме того, спектакль «Антигона» татарстан-

ского режиссера Фариды Бикчантаева, поставленный в Башкирском театре драмы им. Гафури, представлен в семи номинациях: «Спектакль большой формы», «Работа режиссера», «Женская роль» (Лилия Галина), «Мужская роль» (Олег Ханов), «Женская роль второго плана» (Гульмира Исмагилова), «Мужская роль второго плана» (Алмас Амиров), «Работа художника» (Альберт Нестеров). Церемония награждения лауреатов самой престижной театральной премии страны состоится 15 апреля на новой сцене Большого театра.

ПАМЯТЬ

Ушел из жизни известный татарский общественник Мохаммед Миначев. Ему было 79 лет. До последних дней жизни участвовал в деятельности татарской общины Москвы. Миначев известен в прошлом как активист национально-общественного движения татар, бывший председатель Народно-демократической партии «Ватан». Он активно выступал в защиту национальных традиций, культуры, языка и истории татарского народа.

Мохаммед Миначев родом из Нижегородской области. С 1979 года организовывал в Москве татарские литературные и музыкальные встречи. В 1987 году по инициативе Миначева в Москве был организован первый Сабантуй. С 1988 года он начал работу с родителями по организации факультативных занятий по татарскому языку в детских садах и школах Москвы. Коллектив газеты «Татарский мир» соболезнует родным и близким Мохаммеда Миначева.

КАЗАНЬ

Национальный музей Республики Татарстан представляет уникальный проект — «Открытые фонды». Любой желающий может посмотреть на жизнь музея изнутри, попасть «за кулисы» музейного пространства. Коллекция формируется уже более 120 лет и сегодня насчитывает около миллиона памятников истории и культуры. Это основная часть всего музейного наследия Татарстана. Но лишь небольшая их часть находится в экспозиционных залах, разместить там все просто невозможно. Проводниками в путешествии по фондохранилищу станут сотрудники музея. Они расскажут историю происхождения, бытования и поступления в музейное собрание уникальных предметов. Посетители смогут задать вопросы

хранителям, узнать, как формировались фонды, как правильно хранить и экспонировать тот или иной предмет, погрузиться в тайну музейных хранилищ.

ДОМОДЕДОВО

В городском округе Домодедово прошла церемония награждения лауреатов и участников ежегодной премии губернатора Московской области «Наше Подмосковье».

Жителями городского округа Домодедово было представлено 278 проектов, из которых 50 оказались в числе победителей.

Во второй раз дипломом II степени и премией награжден депутат Совета депутатов городского округа Домодедово, председатель РОО «Татарский национальный центр Московской области», председатель местной татарской национально-культурной автономии городского округа Домодедово Фуад Фейзрахманович Султанов. В 2015 году премия была присуждена за проект «Ежегодный общегородской татарский национально-культурный праздник «Сабантуй» в городском округе Домодедово». В 2017 году Ф.Ф. Султанов стал победителем с проектом «Книга Памяти и Славы».

Пресс-служба РОО «ТНЦ МО»

БРЮССЕЛЬ

Дни татарской культуры завершились в Брюсселе. Они были организованы ассоциацией «Татары Бельгии» при поддержке Министерства культуры Республики Татарстан. Участниками встречи стали татары из городов Бельгии, Нидерландов, Германии. Они

обсудили, что является приоритетным в украшении национального костюма и придает ему узнаваемость. В формате презентаций гостям была представлена история появления калфака. С лекцией на эту тему выступила Флюза Ишметьева из немецкого города Кельн. Её соотечественница из Нидерландов Лейсан Гафурова рассказала о разнообразности вышивки и сферы ее применения в украшении одежды. В выставочном зале Российского центра были представлены фольклорные костюмы сельских и городских татар, аксессуары из кожи. Экспозицию дополнили изделия мастеров из Богатых Сабов «Ихлас Татарстан»: полотенца, моельные коврики (намазлык), нагрудники (кукрэчэ), головные уборы, пояса. На следующий день творческую эстафету подхватила художественная студия «Артём», расположенная в Брюсселе. Там состоялся мастер-класс для детей по технике создания национального узора.

ПЕНЗЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

В городе Каменка Пензенской области открылась воскресная школа татарского языка. Идея принадлежит председателю местного отделения обществ «Ак калфак» Эльмире Васильевой. Обучение ведет Равиля Баткаева - учитель татарского языка и литературы с 37-летним педагогическим стажем преподавания в татарской школе, обладательница звания «Почетный учитель общего образования» и нагрудного знака Министерства образования Республики Татарстан «За заслуги в образовании». Воскресное обучение совершенно бесплатно проводится в классе при местной мечети.

ПЕТЕРБУРГ

В библиотеке-филиале № 1 Калининского района Петербурга открылась персональная выставка художника Ильдуса Вахитова «Россия в глаза заглянула мои». Он окончил Свердловское художественно-профессиональное училище по специальности «ювелир-огранщик-самоцветов», работал на ювелирном заводе «Русские самоцветы» и в Нахимовском военно-морском училище. В свободное время с увлечением занимался живописью, инкрустацией, резьбой по дереву, чеканкой. На счету Ильдуса Вахитова более 15 персональных выставок, многочисленные дипломы и грамоты.

КНИЖНАЯ НОВИНКА

В Лондоне в издательстве Hertfordshire Press вышла книга татарского поэта Ленара Шаеха на английском языке (перевод Даны Жетеевой) в рамках специальной книжной серии Евразийской творческой гильдии. Сборник стихотворений, который называется «One of You» («Один из вас»), издан под редакцией Дэвида Уильяма Пэрри — поэта, драматурга, члена Королевского общества искусств, председателя Евразийской творческой гильдии. Вступительном слове он в частности пишет: «Мне уже

были известны безупречные характеристики Ленара Шаеха. Более того, являясь этническим татаринцем (не татаро-монголом, но представителем родственного тюркоязычного народа), я осознавал тот факт, что если кто-то и подвигнет меня на то, чтобы смягчить мое отношение к импрессионизму, то это будет он. В конце концов, репутация Ша-

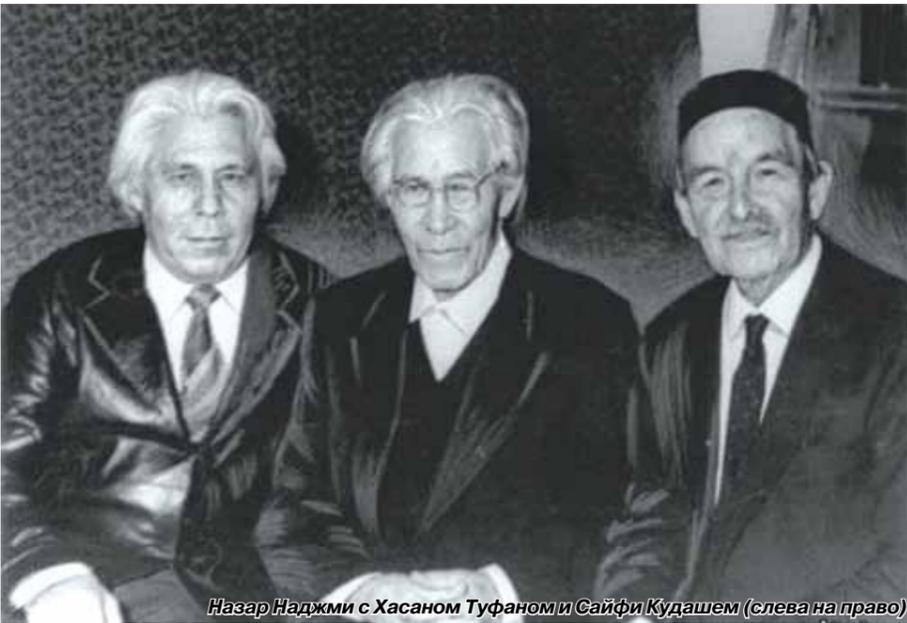
еха как писателя бежит впереди его. И в этой связи я изначально подозревал, что он вдохновляется теми бесстрашными предками, которые мигрировали по российским равнинам много веков назад. Каждый его смелый компонент противопоставляется воздействию современности на наше нынешнее общество. Как бы то ни было, региональная молва все еще продолжает гласить, что татары славились добрым сердцем, свирепой силой, а также неудержимой креативностью. Поэтому, переворачивая страницу за страницей, я чувствовал, что «One of You» заставлял таять мои стойкие предубеждения.

Несомненно, эта тонкая, но при этом оригинальная книга заслуживает того, чтобы ее прочитали как некий вклад в Глобальный текст. В этом случае блестящий, временами мрачный, хотя и поистине интригующий сборник представляет собой публикацию, которую я всем сердцем рекомендую британскому читателю.

Дэвид Пэрри
Лондон, 2017 г.

Марат Сафаров

*Я в горы влюблен.
Я навеки влюблен
в полноводные реки*
(К 100-летию поэта Назара Наджми)

Назар Наджми с Хасаном Туфаном и Сайфи Кудашем (слева на право)

В конце долгой зимы в Башкортостане отмечалось 100-летие одного из самых любимых поэтов татарского и башкирского народов – Назара Наджми (1918-1999). Вековой юбилей Назара Наджми прошел тепло и торжественно в Уфе и во многих уголках республики, включая его малую родину – уютную деревню Миңеште Дюртюлинского района. В этой деревне работает дом-музей Назара Наджми; на приметном холме расположена и могила поэта. «Меня не отделишь от Миништы, - вспоминал Назар Наджми. - Именно здесь впервые увидены, прочувствованы и познаны мною глаза родимой матушки, зелень трав, голубизна неба, запахи леса, буйство ветра, сила гроз и молний, крепость зим, восход солнца и заход солнца». Назар Наджми любил приглашать друзей-литераторов на свою родину для участия в поэтических концертах, чтобы показать размах и колорит местных сабантуев.

О Назаре Наджми и при жизни, и теперь, отзываются, как о подлинно народном поэте, обращавшимся к разной аудитории и находившим отклик у нескольких поколений читателей. Сборники Назара Наджми часто издавались в Уфе и в Казани, признавались критиками среди наиболее значимых явлений в поэзии братских народов, а ценителям лучших образцов татаро-башкирской эстрады и сейчас памятны лирические песни на его стихи. Ставились и его пьесы, публиковались рассказы и новеллы.

Назару Наджми повезло обрести и русского читателя. Как и поэзию Мустая Карима, Мусы Гали, стихи Назара Наджми тонко переводила московский литератор Елена Матвеевна Николаевская (1923-2006). К одному из его юбилеев Елена Николаевская отправила в Уфу такие теплые строки: «Назар Наджми — один из самых любимых мною поэтов. Всегда с наслаждением работала над переводами его стихов. Ему, главное, удалось передать в строчках все человеческое его обаяние. В дни его праздника я рада поздравить Назара, лиричного, тонкого и умного поэта, с тем, что он сумел сохранить и в седые годы молодость».

Переводили его стихи и признанные знатоки восточной лирики Яков Козловский, Ирина Снегова, Юлия Нейман. Крепкая дружба связывала Назара Наджми и Константина Ваншенкина, а вот с Ярославом Смеляковым он полемизировал, причем литературными средствами - с задевшей его строкой из стихотворения 1966 года:

*Вы, прадеды наши, в неволе,
мукою запудривши лик,
на мельнице русской смололи
заезжий татарский язык.*

Разумеется, речь у Смелякова шла об ордынской истории, средневековых сюжетах, и реально «перемальвании», освоении тюркских слов в русском языке. Однако время публикации стихотворения – эпоха настойчивого упоминания всюду и везде «татаро-монгольского ига». И обостренное отношение Назара Наджми к этому «словосочетанию», любовь к родному языку вызвали появление его стихотворения «Татарский язык» - своеобразного ответа Смелякову.

... Вспоминая ныне большого поэта фронтового поколения Назара Наджми, прочитаем переводы, сквозь несколько десятилетий доносящие до нас его размышления, тревоги, мечты.

Назар Наджми

Татарский язык

*Долинам Волги соприродный,
Высокий, словно лунный лик,
Ты не заезжий, не безродный,
Татарский золотой язык.*

*И храбрых предков ты достоин,
И перед временем привик
Не гнаться, как пред саблей воин,
Татарский кованный язык!*

*Веков приветливый наследник –
Ты дружелюбен и теперь,
Как та, что, повязав передник,
Пред гостем открывает дверь.*

*Умеешь выразить к тому же
Ты мудрость зрелого чела
И государственного мужа,
И стихотворца, и посла.*

*В степи на бешеном карьере
И на страницах вещей книг
Не изменял отцовской вере
Ты, гордых всадников язык.*

*И, словно тетива тугая,
В пределы вечности сумел
Ты вознести стихи Тукая,
Как стаи оперенных стрел.*

*И, чтоб славы быть в зените,
Сквозь стены камер ты проник,
Тюремщиками в Моабите
Не перемолотый язык.*

*Живи, все горести осила,
Неиссякаемый родник,
Похожий на звезду Джалиля,
Татарский золотой язык.*

Перевод Якова Козловского

*Я в горы влюблен. Я навеки.
Влюблен в полноводные реки.
О, как и одни и другие.
Похожи на судьбы людские!*

*Но как ни пленен вышиною,
Не рвался к ней сам никогда я:
И так убелен, сединою.
Я – словно вершина седая.*

*Реке я подобен: дорогу.
Себе самому пролагаю,
То бурно срываюсь с отрогов,
То медленно вдали убегаю.*

Перевод Елены Николаевской

Фарид Мухтасаров, председатель РТНКА МО

Слово о Фанисе Яруллине

Фанис Яруллин и Нурсия ханым

В этом году отмечается 80-летие народного поэта Татарстана, лауреата Государственной премии РТ имени Г. Тукая и Государственной премии имени М. Джалиля Фаниса Яруллина. Его биография и творчество стали для татарской литературы олицетворением мужества, самоотверженности, силы духа и любви к родному краю. Мы с Фанисом Яруллиным земляки: оба родились в деревне Кызыл-Яр Бавлинского района Татарстана. Помню, еще моя мама рассказывала о том, что в Казани живет поэт из нашей деревни. История его жизни запала мне в душу. На долю Фаниса Яруллина выпало тяжелейшее испытание. Во время прохождения срочной службы в рядах Советской армии он повредил себе позвоночник, сорвавшись с турника, на котором выполнял гимнастический элемент «солнышко». С тех пор на всю жизнь он оказался прикован к постели. Впрочем, это не помешало ему заочно окончить Казанский государственный университет, написать огромное количество стихов, поэм и пьес, вошедших в сокровищницу татарской литературы.

Со своей женой Нурсией Фанис Яруллин познакомился в 1962 году, когда лежал в казанской больнице. Она полюбила его всей душой и вопреки протестам своих родных, посвятила ему жизнь. Была для него и музой, и личной медсестрой, и любящей женой. Наверное, нет смысла подробно описывать этапы становления Фаниса Яруллина как поэта и писателя: его биография хорошо известна. Расскажу о том, как познакомился с простой и одновременно легендарной семьей Яруллиных.

После того, как я окончил школу, прошло немало лет. Позади были учеба в Казанском авиационном институте, служба в ракетных войсках и начало работы конструктором в Подмосковном городе Дубне. В 1982 году, приехав очередной раз в отпуск в родные края, я познакомился с родной сестрой Фаниса Яруллина, которая с семьей проживала в Бавлах. У нее узнал адрес мамы Фаниса Гатаулловича и поехал в Кызыл-Яр. Вдвоем с Гафифой апой мы прошли по берегу реки Ик и сфотографировались. Затем навестили ее родных, которые жили неподалеку, на память об этом сделали фотоснимки.

Было приятно пообщаться и с учительницей Фаниса Яруллина - Шакирой апой. Какое-то внутреннее стремление вело меня к тому, чтобы узнать больше о своем односельчанине. Фотографии и цветные слайды из Кызыл-Яра я отправил в Казань Фанису Яруллину. Через некоторое время получил письмо, в котором он благодарил за снимки. После той поездки я еще пару раз навестил Гафифу апу.

В 1991 году в Дубне под моим руководством было создано Татаро-башкирское культурное общество. В рамках наших регулярных встреч мы провели вечер поэзии, посвященный Фанису Яруллину. Благодаря деятельности этого общества появились связи с активистами татарского национально-культурного движения Москвы, а также с Духовным управлением мусульман. А это послужило толчком к созданию Региональной татарской национально-культурной автономии Московской области (первый руководитель И. Сафаргалиев).

Долгожданная встреча с Фанисом и Нурсией Яруллиными состоялась в марте 2011 года, когда я приехал на очередное совещание ФНКАТ в Казань. Мы очень тепло общались почти два часа. Вспоминали родные края. Информацию о Фанисе Яруллине и фотографии, в том числе с этой встречи, позже мы поместили во втором издании книги «Татары Подмосковья».

К сожалению, в следующий приезд в Казань в декабре 2011 года мы вместе с участниками совещания Исполкома ВКТ уже не застали поэта в живых. Сотни людей собрались в театре им. Г. Камала, чтобы проводить его в последний путь. И эти грустные проводы стали проявлением уважения к нему как мужественной и выдающейся личности современности.

Фанисом Яруллиным гордятся земляки. Он является Почетным гражданином Бавлинского района. При жизни в родной деревне открыли дом-музей, посвященный ему. В Бавлах установлен прекрасный памятник, который олицетворяет вечное единство поэта и его супруги Нурсии ханым. Как мне говорила сама Нурсия апа, она не хотела, чтобы ее тоже изобразили, но тогдашний глава Бавлинского района убедил, что так будет справедливо, ведь без нее, без ее забот о своем супруге не было бы того творчества, и не было того поэта, которого мы все знаем. Это действительно подвиг.

В марте 2017 года я вновь навестил Нурсию апу. Мы долго беседовали за чашкой чая. Да, нелегко ей, одной. В квартире все напоминает о Фанисе. Она размышляла о том, как достойно отметить 80-летний юбилей мужа и народного поэта Татарстана. Глядя на нее, я думал: сколько же в ней любви и мужества, что она, несмотря ни на какие трудности, смогла сохранить пылающий огонь семейного очага в течение всей жизни. Поистине, Нурсия апа заслужила памятник при жизни!

Нам, проживающим вдали от малой Родины, очень приятно, что администрация Бавлинского района сделала все, чтобы увековечить имя Фаниса Яруллина. Мы поддерживаем теплые отношения с руководством района Рамилем Гатиятуллиным, его заместителем Ринатом Хамидуллиным. Наша совместная задача: донести до людей историю этой уникальной семьи и творчество Фаниса Яруллина. Пусть прекрасные оптимистичные стихи поэта помогут нашим соотечественникам, где бы они ни жили, сохранять истоки и культуру нашего народа и не опускать руки при любых жизненных трудностях.

Лейсан Ситдикова

Наша справка

Городская клиническая больница № 13 Департамента здравоохранения Москвы была основана в 1940 году. Тогда она называлась 1-я Таганская клиническая больница. В годы Великой Отечественной войны больница была перепрофилирована в эвакогоспиталь, в котором лечили раненых бойцов и командиров Красной Армии. Более 70 лет больница росла и развивалась.

В 2015 году закончилась реорганизация ГКБ № 13. Сейчас это большой многопрофильный медицинский центр, рассчитанный на 911 коек. Люди получают помощь в терапевтическом, кардиологическом, неврологическом, травматологическом, ортопедическом, хирургическом, гинекологическом отделениях. В перинатальном центре больницы выхаживают недоношенных младенцев и оказывают помощь детям до трех лет. Кроме них – 66 реанимационных коек и 33 койки дневного стационара при двух поликлинических отделениях. Есть ещё акушерский филиал и роддом. В общей сложности в больнице обслуживаются более 70 тысяч людей в год.

В ГКБ № 13 работают 1963 сотрудника, в том числе: 3 доктора медицинских наук, 54 кандидата медицинских наук. С 1995 года больницей руководит заслуженный врач Российской Федерации Леонид Семенович Аронов.

Найти свободное время для интервью в плотном графике заместителя главного врача московской государственной клинической больницы №13 Али Яхиевны Капкаевой было довольно непросто. Каждый день расписан буквально по минутам: с раннего утра конференции с отчетами дежурных врачей и заведующих отделениями, бесконечная бумажная работа, оперативное реагирование на поступающие жалобы пациентов – одним словом, решение десятков всевозможных вопросов. В компетенции Али Яхиевны – управление организацией и проверка качества оказания услуг, контроль за выполнением госзаказа на оказание высокотехнологичной медицинской помощи. Она награждена юбилейной медалью «В память 850-летия Москвы» и благодарственным письмом мэра столицы. В интервью газете «Татарский мир» Али Яхиевна рассказала о том, как меняется столичное здравоохранение, о проблемах современной медицины и собственном становлении.

- Али Яхиевна, начну, пожалуй, с самого общего вопроса. Как бы вы охарактеризовали вашу больницу и ее место в системе здравоохранения Москвы?

- По многим статистическим показателям наша больница входит в число лучших в столице. Надо отметить, что после того, как в 2014 году родильный дом вошёл в состав 13-й больницы, на порядок увеличились консультационные, диагностические и лечебные возможности для наших пациенток за счёт мощной лечебно-диагностической базы больницы. Больница оснащена компьютерными и магнитнорезонансными томографами, ангиографом, маммографом, цифровыми рентгеноустановками, ультразвуковыми аппаратами самого современного и последнего поколения. Мы стали полноценным перинатальным центром, в котором можно от момента рождения и до 3-летнего возраста профессионально и качественно лечить наших маленьких пациентов.

Два года назад наше отделение гнойной хирургии впервые включили в программу оказания высокотехнологичной медицинской помощи пациентам с синдромом диабетической стопы. Это значит, что помощь оказывается бесплатно. За последние пять лет число ампутаций при диабетической стопе снизилось в 3 раза. В то же время количество пластических и костно-пластических операций увеличилось более чем в 6 раз. Это снизило инвалидизацию пациентов с синдромом диабетической стопы почти в 5 раз.

Кроме того, стоит отметить, что наша больница является клинической базой для ведущих медицинских вузов страны – Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И.Пирогова, Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И.Евдокимова, Российского университета дружбы народов. Так что для повышения квалификации у нас есть все условия.

- Участвуете ли вы в каких-то проектах Департамента здравоохранения Москвы и в целом администрации города?

- Сейчас мы участвуем в проекте столичного Департамента здравоохранения «Лидер. Мед», который нацелен на создание кадрового резерва управленческих кадров для здравоохранения. В будущем самые талантливые сотрудники, прошедшие отбор, смогут возглавить и пополнить ряды руководителей московских медицинских организаций. Кроме того, двое наших специалистов получили статус «Московский врач». Это травматолог-ортопед Леонид Фарба и хирург Тельман Межгих. Статус присваивается специалистам, успешно прошедшим многоступенчатую систему экзаменов и подтвердившим высокий уровень своей квалификации. Для пациентов это является дополнительной гарантией качества диагностики и лечения, для медиков – формой признания профессиональных заслуг.

- Каким был прошлый год для одной из крупнейших больниц Москвы? Что сделано в интересах здоровья москвичей?

- В прошлом году акушерский филиал при нашей больнице отмечал свое 80-летие. К этой дате было приурочено открытие бесплатных курсов психологической помощи для будущих мам, столкнувшихся с осложнениями во вре-

мя ожидания ребенка. Курсы являются частью Школы «Роды без страха», а программу занятий для них разработали медицинские психологи больницы совместно с акушер-гинекологами.

Не могу не отметить успешную реализацию программы «Пожилые люди», которая осуществляется в больнице с 2011 года. На базе отделения травматологии был внедрен современный подход к лечению пожилых пациентов с переломами бедренной кости. Этот подход направлен на максимально ранний остеосинтез переломов бедра. Специально для этого в больнице сформирована команда травматологов, анестезиологов, терапевтов и кардиологов. Недавно врачам удалось поставить на ноги пациента, которому исполнился 101 год. Между прочим, ортопедическое отделение нашей больницы занимается эндопротезированием тазобедренных суставов в течение 27 лет. В больнице проводится программа по профилактике повторных переломов и лечению остеопороза, в рамках которой консультирует специалист по остеопорозу.

- Есть ли очереди на госпитализацию в стационар?

- Небольшие очереди бывают, в основном речь идет о гнойной хирургии, поскольку отделений этого профиля в Москве не хватает. В целом за счет оптимизации лечебно-диагностического процесса, очень быстрого обследования, применения новых технологий койко-день в нашем стационаре сократился. Время ожидания диспансеризации и число дней, проведенных больным в стационаре, одинаково с аналогичными показателями в европейских клиниках. Большую роль в этом играет междисциплинарный подход. За сутки в реанимации пациент проходит полное обследование. Это позволяет спасать людей от неподвижности и смерти. Я горжусь нашими врачами и медсестрами, которые проявляют инициативу в совершенствовании лечебного процесса и на полную мощность используют возможности современного оборудования.

- Сейчас вся общественность активно обсуждает дело гематолога Елены Мисюриной. Ее осудили на два года тюрьмы за так называемую «врачебную ошибку», приведшую к смерти пациента. На днях суд пересмотрел меру пресечения и отпустил ее из-под стражи, правда, впереди еще апелляция и неизвестно, будет ли отменен приговор. На защиту Мисюриной встали известные врачи, политики, мэр Москвы, столичный департамент здравоохранения. Как вы оцениваете происходящее, на чьей стороне и почему?

Главный врач ГКБ №13 Л.С.Аронов проводит совещание с коллективом

А.Я.Капкаева и Л.С.Аронов во время обхода в роддоме

- Первое, что меня обрадовало, это реакция медицинского сообщества, которое взбунтовалось против неправомерного приговора, построенного на обвинениях, к которым у профессионалов много вопросов. Елена Мисюринна – потомственный квалифицированный доктор. Просто в голове не укладывается то, в чем ее пытаются обвинить. К сожалению, сейчас рассматриваются еще несколько так называемых «дел врачей» и можно говорить о тенденции в вопросе привлечения медиков к уголовной ответственности. Об этом больно узнавать. Надо понимать, что любой врач, будь то хирург или гинеколог, практически ежедневно находится в зоне риска, оказывая пациенту помощь. Поставить правильный диагноз, определить необходимый объем исследований и назначить адекватное лечение – сложные и ответственные задачи, поскольку речь идет о жизни человека. Много лет я занимаюсь экспертизой и всегда подчеркиваю: профессионализм – это умение предвидеть риски, только тогда можно предупредить нежелательные последствия. К сожалению, угроза оказаться в тюрьме из-за осложнения болезни может заставить медиков бездействовать в непростых ситуациях. На первый план в этом вопросе выходит мораль и нравственные качества врача. Он должен понимать, что от его профессионализма и настроения зависит чья-то судьба.

- В вашей практике были щекотливые ситуации, когда решался какой-то конфликт между врачом и пациентом?

- Эти ситуации были, есть и будут. Они неизбежны. Даже самая абсурдная жалоба против врачей принимается к рассмотрению. Продолжается модернизация московского здравоохранения, которая предполагает пропаганду здорового образа жизни, ориентированность на пациента, открытость медучреждений. У нашей больницы есть страницы в соцсетях, работает горячая телефонная линия... Мы абсолютно открыты. Любой пациент больницы может оставить отклик или жалобу, которую мы обязаны рассмотреть и принять меры.

- Как в таком крупном стационаре удаётся контролировать выполнение клинических протоколов и порядков оказания помощи?

- Это целая система. В нашей больнице установлен 3-уровневый контроль качества медицинской помощи. На первом уровне оценка качества проводится заведующими отделений, на втором – заместителями главного врача соответствующего профиля, на третьем – врачебной комиссией, председателем которой является главный врач лечебно-профилактического учреждения. Как правило, в каждом пятом случае, выносящемся на комиссию, применяется дисциплинарное взыскание. В больнице организован кабинет контроля качества и безопасности медицинской деятельности, выполняющий в том числе экспертные функции. Только в прошедшем году внутри учреждения было проверено почти 20 тысяч медицинских карт стационарных больных и 4,5 тыс. – амбулаторных. Систематический ежедневный анализ врачебных ошибок ведёт к их уменьшению. Как следствие, со стороны пациентов снижается число жалоб. Мы видим реальные результаты использования управленческих ресурсов.

- Система оплаты труда в стационарах сегодня «привязана» к результатам работы врача. В чём это у вас выражается? Увеличилась ли самостоятельность медицинских организаций – стационара, поликлиник? Например, в начислении заработной платы, стимулировании работы врача?

- В прошлом году завершился пятилетний этап перехода на так называемый «эффективный контракт» – особый подход к оформлению трудовых отношений с работниками. Много копий было сломано в процессе внедрения его в работу. Не обошли стороной возникающие в процессе работы сложности не только нашу больницу, но и все учреждения здравоохранения. В узком смысле эффективный контракт – это трудовой договор, в широком – комплекс мероприятий, направленных на повышение качества медицинской помощи.

Сейчас заработная плата медиков складывается из должностного оклада, компенсационных и стимулирующих выплат. Стимулирующие выплаты, в свою очередь, делятся на постоянные и переменные. К постоянным стимулирующим выплатам относятся стаж работы, квалификационная категория, ученая степень. Также введены особые единовременные стимулирующие выплаты – за участие в городских, федеральных и международных конференциях, за авторство или соавторство научной работы в размере 25% должностного оклада, за внедрение в практическую работу новых медицинских технологий – до трехкратной величины должностного оклада. Надо отметить, применение такого вида выплат хорошо влияет на научный и профессиональный потенциал работников. Плюс к этому существует сложная система премирования и депремирования работников.

Таким образом, профессионалы поставлены в ситуацию честной игры. От их личных усилий и репутации зависит то, сколько они будут получать. Безусловно, переход на эффективный контракт позволяет поддерживать достойный уровень заработной платы медицинских работников, но в то же время увеличивает нагрузку на них. Каждому, кто собирается стать врачом, надо помнить, что в медицину идут все-таки не за длинным рублем, а по велению сердца.

- Вы родом из Астрахани. Расскажите, пожалуйста, о вашей семье. Кто ваши родители?

- Мама Зубайда Умеровна всю жизнь – с момента окончания медицинского училища до пенсии – работала в областном туберкулезном диспансере. Сейчас ей уже 90 лет, она слава богу хорошо себя чувствует и живет у меня. Мой папа Яхия Иннаятуллович – участник Великой Отечественной войны. 17-летним мальчишкой, обманув призывную комиссию, ушел на фронт. Отважно воевал и был ранен. После демобилизации окончил Московский финансовый институт и Высшую партийную школу в Волгограде. В последние годы жизни работал главным бухгалтером Астраханского областного комитета КПСС. К сожалению, не доработал до пенсии – в 62 года скоропостижно скончался от рака. Та же болезнь унесла жизнь моей сестренки, которая работала акушером-гинекологом. Двое ее детей, школьников на тот момент, остались на моем попечении. Ребята выросли хорошими, и я очень ими горжусь. Рэм стал врачом-стоматологом, он специализируется на ортопедии. Рената окончила факультет внешних экономических связей Московского авиационного института,

тоже успешно работает. Думаю, сестра была бы рада, глядя сегодня на них. Так получилось, что своих детей у меня нет. Видимо, моя миссия в другом – в том, чтобы работать и помогать другим.

- Не было ли когда-либо сомнений, что нужно было выбрать другую дорогу в жизни?

- Нет, никогда. Я пошла в мединститут по большому желанию. Наверное, мое отношение к профессии было сформировано в семье: родители дружили с очень известными в городе врачами. Огромное влияние оказали книги о медиках. И я приложила максимум усилий, чтобы поступить в Астраханский мединститут в первый же год, хотя был огромный конкурс. Наверное, мне в жизни везло, потому что в последующем я работала в хороших коллективах. Это выпускающая кафедра Астраханского мединститута на базе скорпомощной больницы имени Губиных. Там я защитила кандидатскую диссертацию по специальности «кардиология», работала и преподавала. Это было очень интересно и трудно, но меня окружали истинные врачи и педагоги, которые служили примером высокого отношения к профессии. Таких монстров, наверное, уже нет. Сочетание научной, лечебной, педагогической и методической работы заложило в дальнейшем базис для моей реализации в Москве.

- Каким образом состоялся ваш переезд в столицу?

- В Москву я поехала вслед за мужем. Перевелась в «3-й мед» – Московский государственный медико-стоматологический университет имени А. И. Евдокимова – на лечебный факультет. Таким образом, за плечами уже 20 лет педагогического стажа, но при этом я всегда работала на клинических кафедрах. Вначале это была кафедра скорой медицинской помощи в отделении реанимации и анестезиологии ГКБ №36. Затем в этой больнице мне предложили занять должность заместителя главного врача по клинко-экспертной работе. А в 2001 году главный врач ГКБ №13 Леонид Семенович Аронов пригласил на должность первого заместителя главного врача. Вот так я сформировалась как организатор здравоохранения. Конечно, это должность очень ответственная и, без сомнения, дает возможность в полной мере реализовать себя.

Знаменитый российский боксер Костя Цзю доверяет заботу о своих детях врачам перинатального центра ГКБ №13

- Какими достижениями вы особо гордитесь?

- Знаете, когда-то давно в этой больнице царила разруха: не работала лаборатория, не было даже самого необходимого оборудования... Сегодня мы можем гордиться тем, что благодаря грамотному менеджменту, сплоченной работе команды профессионалов, ситуация кардинально изменилась. У нас работают врачи, как говорится, с «хорошим анамнезом» – с хорошей школой, добросовестные, опытные, стремящиеся к новым знаниям, обучению современным методикам диагностики и лечения. На базе хирургии развивается нейрохирургия, на базе ортопедии – вертебрология. Сейчас подаем документы на премию лучшим врачам России «Призвание» и уверены, что пройдем. Без сомнения, наша многопрофильная больница будет развиваться и дальше.

- Алия Яхиевна, я знаю, что вы состоите в Клубе врачей при полномочном представительстве РТ в РФ...

- Да, и вице-премьер Республики Татарстан, руководитель полпредства Равиль Калимуллович Ахметшин является членом попечительского совета нашей больницы.

- Также мы с вами встречались на заседании московского отделения общества татарских женщин «Ак калфак», которым руководит Наиля Фатехова. Значит, родной язык, культура и традиции для вас не пустой звук?

- Конечно, для меня огромная радость общаться со своими соплеменниками. Мои родители с детства прививали любовь к татарской культуре. Мы не пропускали в Астрахани ни одного выступления татарских певцов или гастроли Камаловского театра. Когда переехала в Москву, познакомилась с поэтом Назифой Харисовной Каримовой, которая в то время организовала клуб «Интеллектуал». На собраниях этого клуба подружилась со многими московскими татарами, среди которых огромное количество достойных уважаемых и интересных людей. У меня есть некоторые сожаления по поводу того, что я практически забыла татарский язык, но не теряю надежды выучить. С возрастом начинаешь лучше понимать, каким неоценимым сокровищем является духовное богатство, культура, традиции и язык родного народа.

Марат Сафаров, кандидат педагогических наук

Новое – зачастую хорошо забытое старое

О педагогическом наследии Абдуллы Асадуллина

Прошлый год был ознаменован в Татарстане острыми дискуссиями о статусе татарского языка в русскоязычной школе. К сожалению, в этих трудных и болезненных обсуждениях было несколько заслонен педагогический контекст темы, в первую очередь, собственно дидактические проблемы преподавания татарского языка в иноязычной среде. Между тем, как отметил на заседании московского медиа клуба Президент Татарстана Рустам Минниханов, сегодня нужна более эффективная методика изучения татарского языка, а сами татары должны активнее пользоваться родным языком: «Люди, которые хотят выучить язык, должны получить удобную методику, чтобы знать хотя бы обиходный язык».

Новое – зачастую хорошо забытое старое. Многие современные доводы, к примеру, касающиеся качества формирования коммуникативных навыков в обучении татарского языка, поднимались еще классиками казанской лингводидактики. Однако так сложилось, что наследие видных татарских методистов советского времени было слабо использовано в условиях расширения преподавания татарского языка в общеобразовательной школе начала 1990-х гг. Не секрет, что происходило экстенсивное увеличение часов на преподавание языка, зачастую не подкрепленное методически. Скорее шла адаптация существовавших программ для национальных школ под нужды русскоязычных школ. Изучая татарский язык в течение почти всего школьного курса, русскоязычные учащиеся тратили большую часть учебного времени на овладение грамматикой, однако чаще всего не усваивали элементарных навыков общения. Об этом много говорилось за прошедшие годы и учителями и особенно родителями школьников. Очевидно, что это лишь одна из граней педагогической проблемы, но весьма существенная, влияющая на социальный престиж изучения языка, мотивацию к изучению, не дающая возможности применять свои языковые знания на практике. Обращение к опыту и достижениям казанской школы лингводидактики (не ритуальное, возникающее от случая к случаю, а реальное, системное освоение), позволит многим современным дидактам и методистам эффективно строить новые учебно-методические комплексы. Возможно, именно это переосмысление опыта и станет важным шагом в обновлении преподавания татарского языка. Разумеется, переосмысление с учетом иных социальных условий, новых средств обучения.

Отрадно, что многие коллеги в Татарстане ныне отмечают значение феномена казанской школы лингводидактики, трудов плеяды ученых советского времени, научный и практический уровень которых так и не удалось превысить или адекватно заместить за последние четверть века. Вот и в Институте истории имени Ш. Марджани АН РТ почти в преддверии дискуссий о языке прошла интересная и полезная межрегиональная конференция «Преподавание русского и татарского языков в системе общего и высшего образования: история и современность». Конференция была посвящена наследию доктора педагогических наук, профессора Абдуллы Шагеевича Асадуллина (1926-2004), имя и публикации которого знакомы всем учителям татарского языка. Приветственное слово к участникам конференции направила Министр образования и науки Российской Федерации Ольга Васильева, отметившая, что «знание русского и татарского языков в условиях современного Татарстана Абдулла Шагеевич считал естественной нормой и был её убежденным сторонником».

Очень важно, что в докладах конференции особое место заняла именно проблема коммуникативных возможностей учебников татарского языка для русскоязычных школ. Ведь конференцию организовал опытный и энергичный историк педагогики, руководитель центра истории и теории национального образования Института им. Марджани Марат Мингалиевич Гибабдинов.

Научное наследие Абдуллы Асадуллина стало предметом изучения современных исследователей. Не углубляясь в дидактическую специфику его работ, хочется познакомиться читателю нашей газеты с личностью, судьбой, оригинальными идеями этого незаурядного татарского интеллектуала. В этом помогут не только перечитанные его книги, но и теплое семейное воспоминание сына ученого – известного отечественного востоковеда Фариды Асадуллина.

Работая в Российской академии образования в середине 2000-х гг., мне удалось заставить бывших научных сотрудников давно уже не существующего НИИ преподавания русского языка в национальной школе АПН СССР. В их профессиональной среде всегда высоко ценились труды казанской лингводидактической школы. Специалисты в области преподавания русского языка в национальной школе активно работали во многих союзных и автономных республиках, но казанские авторы всегда занимали свое особое положение.

Казанские исследователи, сочетавшие глубокое знание дидактики, всегда высоко ценились на общесоюзном уровне. 1960-80-е гг. стали в Татарстане эпохой расцвета исследований в области преподавания русского и родного языков в национальной школе. Статьи, методические пособия и учебники Лии Закировны Шакировой, Гульсум Азизовны Ждановой, Розы Бареевны Гарифьяновой, Фираи Юнусовны Ахмадуллиной и других казанских педагогов стали важными вехами в истории отечественной лингводидактики. В Москве работали профессор Нариман Мирсаидович Хасанов и Надия Зарифовна Бакеева, тесно связанные с казанскими дидактами и методистами. Среди этой плеяды ученых есть особое имя – Абдулла Шагеевич Асадуллин.

Монографии Абдуллы Асадуллина «Методика обучения русскому языку в начальных классах тюркоязычных школ» (1968), «Первоначальное обучение русскому языку в татарской школе» (1978), «Основы методики русского языка в татарской начальной школе» (1991) во многом определили общее развитие лингводидактики. Важной вехой стал и его историко-педагогический труд «Из опыта преподавания русского языка в татарской школе. Методическое наследие». Добавлю, что мало кому из дидактов удалось столь глубоко работать в близкой, но все же другой науке – истории педагогики, как Абдулле Асадуллину.

Фарид Асадуллин, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН

Воспоминания об отце

Сегодня, когда мы с братом Рашидом – известным казанским художником, приближаемся к возрасту, когда прожитая жизнь родителей становится зеркалом собственной. Отец был великий труженик и патриот своей семьи. «Большое видится на расстоянии...» – это касается и деятельности нашего отца, человека очень скромного и при жизни, прежде всего, сосредоточенного на результатах своей научной работы. Сказанные им очень давно, когда я еще был студентом: «в науке царских путей нет» и «всего добивайся сам» – ключ к пониманию итогов его жизни. Жизни, которую он прожил мужественно и достойно, оставив нам – его детям и внукам о себе благодарную память.

Прожитые им годы в чем-то показательны для всего послевоенного поколения, рано познавшего лишения и тяготы взрослой жизни. В годовалом возрасте потеряв мать, в 10 лет он лишился отца. Из ближайших родственников осталась мачеха, которая заменила ему родителей, и которую он до конца жизни называл святой. Она одна без чьей-либо помощи поставила его на ноги и научила тем правилам жизни, которые ему затем очень пригодились. В 1946 году после ее смерти в двадцатилетнем возрасте началась его самостоятельная жизнь. К этому времени он сумел окончить семилетку и Казанский авиационный техникум по специальности «самолетостроение». На фотографиях той поры отец весел и жизнерадостен, как будто и не было тех испытаний, которые ему пришлось пережить. Авиационную технику ему пришлось осваивать недолго. Жизненные обстоятельства заставили изменить планы. Он переезжает в Узбекистан, где к тому времени обосновались его оставшиеся родственники. Там же он приходит в систему школьного образования, а затем в педагогику, где он впоследствии нашел свое истинное призвание.

Не буду говорить о научных достижениях отца, о его вкладе в педагогическую науку – об этом лучше и глубже скажут его коллеги. Могу только вспомнить несколько ярких эпизодов из моего дошкольного прошлого. Один связан с детским восприятием того, чем занимается отец. В старой части Казани, на улице Фатиха Карима, где прошло наше с братом Рашидом детство, отца соседи за глаза называли «галим» или «язучы» – «ученый, писатель», а мы, среди сверстников, естественно, были «язучы малайлары» – «детьми писателя». Казань начала 60-х годов сохранила многое, что связывало ее с дореволюционной действительностью и жизнью известных деятелей татарской культуры. Наш бревенчатый дом украшала мемориальная доска: «Здесь жил великий сын татарского народа Фатих Карим (1909 – 1945)». Недалеко от нас на Тукаевской улице – знаменитый дом Шамяля и небольшой парк, где собиралась местная ребятня. Сегодня следов этого уголка старой Казани с образцами деревянного зодчества XIX – начала XX вв. уже практически нет.

Остались в памяти отцовские буквари с картинками, которые мы с братом с гордостью демонстрировали и листали вместе с соседскими ребятами. Часто наше утро начиналось со стука пишущей машинки «Москва» выпуска 40-х годов. Рабочий день отца начинался очень рано, поэтому мы обходились без будильника. Папки с бумагами, рукописи своих работ и работ коллег и аспирантов, журналы «Совет мәктәбе» и «Казан утлары» и другая научная и художественная периодика – все это вместе пишущей машинкой уживалось на его рабочем столе. Наш просторный дом был всегда открыт для родственников и друзей. Отец с матерью умели и любили принимать гостей. Многие коллег отца – известного академика Мирзу Исмагиловича Махмутова, ученых-педагогов Анастасию Михееву, Гульсум Жданову, Лию Шакирову, Розу Гарифьянову и других, имена которых, к сожалению, стерлись с памяти, я знал с детского возраста. Отец был человеком разнообразных интересов. Запомнилось, как он на аккордеоне играет любимые татарские мелодии или полонез Огинского, развлекает рассказами Михаила Зощенко, читает стихи Габдуллы Тукая. Шутки отца и смех мамы – это, возможно, самые яркие детские воспоминания о доме №15 по улице Фатиха Карима...

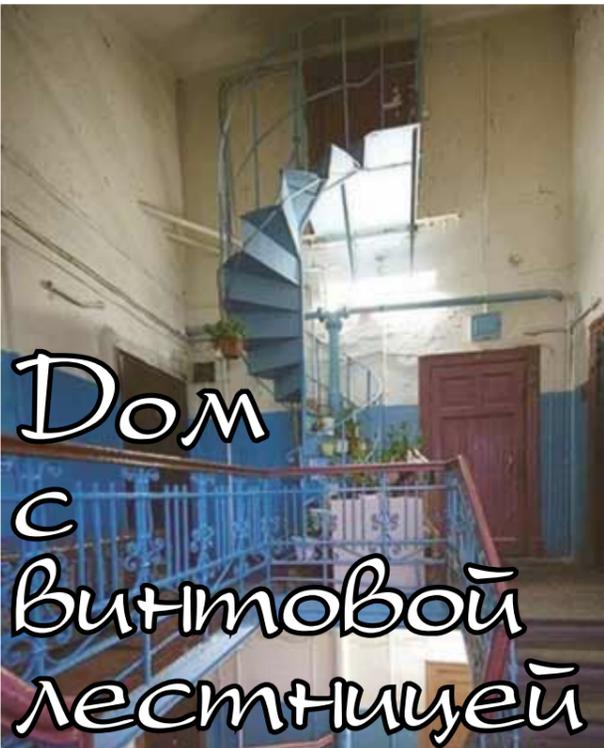
Многие годы он активно вел свою переписку с родственниками на старотатарском языке (арабице). Этому письму он пытался научить и меня, но я к тому времени уже изучал арабский язык и уроки отца освоил только теоретически. Еще один эпизод связан с защитой его докторской диссертации летом 1992 года, которая прошла очень живо и интересно, превратившись в настоящую научную дискуссию с острыми репликами и ответами на них. Запомнилось, как один из членов ученого совета во время обсуждения сказал, что по количеству и качеству научных статей и книг А.Ш. Асадуллин может стоять вровень с действительными членами Академии педагогических наук. Отцу к тому времени было 66 лет и в его научном багаже было более 300 публикаций, включая 100 книг и брошюр.

В домашнем архиве есть уникальный исторический документ, который проливает свет на жизнь обитателей родной деревни отца Кугушево (Кугуш авылы, ныне Зеленодольского района Татарстана) и одновременно дает ключ к пониманию дальнейших научных интересов отца. Односельчанам моего деда крестьянина-бедняка Шаги Саги улы Асадуллина на рубеже XVIII-XIX вв. пришлось испытать очень болезненные для многих татар Среднего Поволжья плоды политики религиозного принуждения. Эта политика царским правительством в Казанской губернии, начиная с Ивана Грозного, проводилась с регулярной частотой и везде, где оставались очаги национальной веры, культуры и языка. Процесс насильственного крещения татар, как это известно, из исторических источников оказался в большинстве случаев безуспешным (если не сказать провальным). Его следствием стало образование особой группы крещенного татарского населения – «криptomусульман» (т.е. скрытых мусульман), которые внешне, согласно навязанному религиозному выбору, были христианами, но на самом деле, следуя исконной духовной традиции, исповедовали ислам. Журнал Казанской духовной консистории от 26 января 1906 года за № 41 сообщал о «прошениях, отпавших от православия татар, ходатайствующих на основании Высочайшего указа 17 апреля 1905 г. об исключении их с семействами из числа православных и о приписке к магометанскому приходу». Это ходатайство 76 жителей села Кугушево Цивильского уезда, Ново-Ковалинской волости Губернским Правлением было рассмотрено и принято решение о том, чтобы «исключить подателей прошений из православных церковных документов вместе с их семействами». Отец об этой стороне жизни своих предков и родителей не рассказывал, поскольку родился через 20 лет после случившихся событий. Острота этого вопроса в послереволюционные годы, когда в стране восторжествовали новые идеологические приоритеты, уже потеряла актуальность, оставшись лишь в сознании поколения тех, кто это испытал и пережил. Попытки осмыслить эту страницу истории русско-татарских отношений появились в его научном творчестве уже в 90-е годы, когда в республике стал остро дискутироваться вопрос билингвизма и русско-татарских культурных взаимовлияний...

В своей последней книге «Заглядывая в прошлое методической науки» (2001) деятельность одного из главных идеологов «обрусительной политики» инвертеров Н.И. Ильминского рассматривается под двойственным углом зрения: и как убежденного в своей правоте миссионера-русификатора, и как русского просветителя, оказавшего значительное влияние на становление формирующейся двуязычной татарской интеллигенции. Знание этих двух основных языков в условиях современного Татарстана отец считал естественной нормой и был ее убежденным сторонником. Позднее, когда в мировом научном словаре стало утверждаться понятие «глобализация», отец часто говорил о важности знания для подрастающего поколения татар английского языка как языка международного общения. Его книга «Тел ачкычы» (Картинный русско-татарско-английский словарь, 1992) – первая попытка познакомить школьников начальных классов с азами английского языка.

В заключение важно отметить, что отец всегда подчеркивал счастливый случай знакомства в начале 50-х годов с нашей мамой Назирой Заки кызы Сафиной, которая всю жизнь (как это водится во многих татарских семьях) брала на себя все домашние дела и заботы, чтобы отец мог посвящать себя науке. Если скажу, что наше детство было благополучным и счастливым, это не будет преувеличением. Мы были окружены родительским вниманием. Нашему образованию всегда отводилось много времени, из каждой командировки отец привозил новые книги. С русской и мировой литературой мы с братом начали знакомиться с начальных классов. В выборе профессий его сыновей тоже его большая заслуга. Его советы и поддержка помогли нам найти свое призвание.

Марат Сафаров, кандидат педагогических наук

Дом с винтовой лестницей

Большая Татарская улица, дом 20. Доходный дом купца Абдуллы Танеева – выходца из богатого села Азеево тогдашней Тамбовской губернии. В отличие от своих азеевских землячков, включая и хозяев соседних московских домовладений – династии Ерзиных, Танеевы не занимались торговлей каракулем. В самом Азееве Танеевы специализировались на продаже бакалейных и колониальных товаров.

Примечательный четырехэтажный дом на углу Большой Татарской и Старого Толмачевского переулка был выстроен в 1910–1911 годах на месте каменного сооружения для лавок и складов. До Октябрьской революции 1917 года на первом этаже доходного дома находились мясная и молочная лавки, велась торговля мануфактурным, колониальным и галантерейным товаром, размещались прачечная и парикмахерская. Второй этаж занимала семья домовладельца Танеева, а квартиры на третьем и четвертом этажах сдавались внаем. Главный фасад дома выходит на красную линию Большой Татарской улицы и до наших дней сохранил исторический лаконичный облик с кирпичным декором.

Судьба дома все последние годы была противоречивой – он был наполовину расселен и уже подлежал сносу. Но осенью 2011 года вышла наполненная множеством уникальных свидетельств статья известного московского этнолога и журналиста Дмитрия Опарина, посвященная истории и судьбе дома Абдуллы Танеева. В результате медленно умирающий дом стал возрождаться к жизни – он постепенно превращался в один из ключевых объектов экскурсионных маршрутов. В 2016 году здание снова начало готовиться к сносу. Но и в этот раз новые краеведческие материалы и усилия любителей старой Москвы, их обращения к городским властям позволили сохранить, казалось бы, неизбежно утрачиваемое.

Конечно, главным здесь стала не архитектура дома, а уже ставшая легендарной винтовая лестница дома. Вот что пишет о ней **руководитель Департамента культурного наследия города Москвы Алексей Емельянов** в конце 2016 года, когда дом Танеева обрел статус выявленного объекта культурного наследия:

«Дом Танеева на Большой Татарской улице – примечательный образец доходной застройки начала XX века. Наибольшую ценность в доме представляет раздвоенная лестница редкой конструкции с художественным металлическим ограждением, каменными ступенями и деревянными поручнями. Подъезд здания является популярным объектом показа на экскурсиях и регулярно посещается горожанами, интересующимися исторической

архитектурой Москвы. Очень важно, что этот уникальный объект сохраняет привычный облик Замоскворечья – одного из самых живописных уголков исторического центра Москвы».

А вскоре история дома Абдуллы Танеева вновь оказалась в центре внимания, став одной из глав книги Дмитрия Опарина и Антона Акимова **«Истории московских домов, рассказанные их жителями»**, быстро ставшей настоящим интеллектуальным бестселлером. Именно Дмитрию Опарину удалось взять интервью у внучки купца Абдуллы Танеева – авторитетного специалиста в области средневекового индийского суфизма, доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника-консультанта Института востоковедения РАН Лолы Зарифовны Танеевой-Саломатшаевой.

Как вспоминает Лола Зарифовна: «Бабушка мне рассказывала, что собирала в доме множество гостей – открывала все двери и в анфиладу комнат выставляла длинные столы. Дедушка не очень хотел заниматься домом и разрешил бабушке внести в него свою лепту. А она очень любила искусство и сама заказала лестницу. «Уж тут я могла развернуться», – говорила она мне. Еще бабушка рассказывала, что дед в доме ходил в бархатной куртке, и на голове у него была красная турецкая феска». Как удалось выяснить Дмитрию Опарину, «в апреле 1910 года Абдулла Танеев купил два соседних участка в Старом Толмачевском переулке и на Большой Татарской улице. Несмотря на то, что в справочниках домовладелец числился крестьянином, он был довольно богатым человеком – во время Первой мировой войны помогал татарским беженцам из Литвы, оплачивал учебу талантливых молодых людей, делал пожертвования московским мечетям. В 1917 году Абдулла попытался уехать в Турцию, чтобы, устроившись, перевести за границу свою семью, однако умер в Крыму от холеры, так и не добравшись до турецкого берега».

В советское время, когда Танеевы покинули свой дом, и он из доходного превратился в коммунальный, татарская жизнь в этом уголке Замоскворечья не замерла. Как вспоминала мемуарист Рауза Кастровна, напротив бывших владений Танеева находился примечательный дом (Большая Татарская ул., д. 17 – на углу с Озерковским переулком). Дом этот среди местных татар назывался *«Ырғу йорты»*, поскольку был заселен выходцами из села Урга (ныне Княгининского района Нижегородской области). На первом этаже этого старого просторного здания находилась татарская столовая, где ежедневно собирались грузчики – недавние выходцы из мишарских деревень Нижегородской и Симбирской губерний.

В самом же бывшем доме Танеева долгие десятилетия прожила Мафтуха Хасановна Агеева (1889–1981). О ней я впервые услышал от хранителей истории татарской общины Москвы – её племянницы Ильсияр Абдуловны Шамсутдиновой и от Раузы Кастровой. Недавно теплыми и информативными воспоминаниями со своей бабушке и ценными фотографиями поделились со мной и её внук Наиль Шамилович Хамзин, живущий в Москве. Как правильно и точно обозначить то большое служение, которое осуществляла Мафтуха Агеева и другие подобные ей религиозные женщины в советские времена?

Анализ нарративов, собранных нами как в Москве, так и в ареале традиционного проживания татар, показал, что даже в условиях тотального отсутствия религиозных деятелей-мужчин знатоки религии из числа женщин не воспринимались верующими в качестве «имамов», «мулл». В татарской среде этих женщин обозначали *«абыстай»*, что в первоначальном смысле определялось как жена или родственница муллы. Позднее их стали именовать проще – *«апа»*, *«остабике»*. Пользуясь уважением среди мусульман, обладая определенной харизмой, они скорее исполняли обязанности религиозных деятелей. Очевидно, что важнейшими причинами формирования этого особого гендерного явления были недостаточное количество знатоков обрядности из числа мужчин в связи с репрессиями и последствиями Великой Отечественной войны; повышение статуса женщины в мусульманской среде (например, активное посещение в советское время женщинами мечети и кладбищ). Стоит учитывать и все еще ощущавшееся влияние джадидизма с его идеями по равноправию женщин.

Мафтуха Агеева обладала именно таким высоким положением среди мусульман Замоскворечья, которых она учила основам ислама, для которых проводила медресы; пользовалась всеобщим уважением.

Она родилась 5 июня 1889 года в Касимове. Её родной дом находился рядом с Ханской мечетью, а недалеко, под горкой протекает Ока. Отец – Хасан Шамсутдинов – из бедной семьи; выучившись, прибыл из под Лаишева Казанской губернии в Касимов. 25 лет работал преподавателем Кастровского медресе и, по воспоминаниям своих родных, был привержен джадидским методам. Мать – Мадина Юсуфовна Ишимбаева происходила из богатой купеческой семьи.

Отец своего Мафтуха практически не помнил – ей было около 4 лет, когда он со старшим сыном Абдуллой уехал в хадж в Мекку, сопровождая в паломничестве казанских купцов Апанаевых. Случилось так, что в Каире Хасан тяжело заболел и скончался в 1893 году. 15-летний Абдулла остался учиться в Каире за счет тех же Апанаевых на 3 года, затем при поддержке купца-благодетеля Хайруллы Кастровна продолжил образование в медресе в Бухаре, а в 1901–1907 гг. служил муллой в туркестанском городе Кульджа.

В 1907 г. Абдулла Шамсутдинов вернулся на родину и, учитывая его высокую образованность в исламском учении и знание Корана, был приглашен в Москву помощником имама мечети на Большой Татарской. Через некоторое время почти вся семья переехала к нему в Москву и поселились в доме муллы при мечети (Б.Татарская ул., д. 28). Абдулла взял на себя всю заботу о семье. Ходила ли Мафтуха в какую-либо школу – сведений не имеется, вероятно, посещала школу при мечети в Касимове, а впоследствии, возможно, и

в Москве. Во всяком случае, Мафтуха получила знания и образование достаточные для того, чтобы Абдулла-хазрат пригласил её преподавать чтение Корана в открывшийся в 1914 году мектеб при мечети.

В Москве трое детей Шамсутдиновых (Абдулла, Губайдулла и Мафтуха) и трое детей имама Хайретдина Агеева (Махира, Рабига и Ахмедгирей) по старой традиции, принятой в богатых татарских семьях, вступили в перекрестные браки. Мафтуха переселилась к мужу в дом имама (там же на Б.Татарской ул.), где еще застала уклад семьи, принятый при ахуне Хайретдине Агееве. В 1916 году у Ахмедгирей и Мафтухи родилась дочь Гюзаль, а в 1918 году – вторая дочка Гавхар.

После революции 1917 г. Агеевы и Шамсутдиновы оказались в категории «лишенцев» (то есть лишенных избирательных прав), как члены семьи служителей религиозных культов. В 1920-е годы началась кампания по выселению лишенцев из коммунальных квартир, а также исключению их детей из школ. Детям «лишенцев» было крайне затруднительно получить образование выше начального. То есть формально не запрещалось учиться в школах и даже в ВУЗах, но при этом заявлялось, что на всех мест не хватает, и поэтому советская власть в первую очередь будет обеспечивать возможность образования для детей трудящихся, а детей эксплуататоров – в последнюю очередь. Вскоре семье Мафтухи Агеевой пришлось покинуть свой дом и переселиться в упомянутый выше дом Танеева. Как вспоминает Наиль Хамзин: «как «лишенцам», семье Агеевых пришлось распрощаться с гостеприимным домом имама, им было выделено жильё в первом этаже дома 20 на Б.Татарской, в помещении бывшей мясной лавки – комната 15 кв.м. и кухня около 5 кв.м. с каменным полом, дровяной печью и небольшим окном в стене полуметровой толщины, с дверью, открывавшейся на улицу. Был, правда и «черный» ход, который и стал основным, комнатную дверь заколотили наглухо». В этой квартире Мафтуха Хасановна прожила вплоть до 1973 года.

Рауза Кастровна вспоминала, как в 1920–30 гг. ходила к Мафтухе домой учиться читать Коран: «Она была изумительной, доброй женщиной. Я ходила туда со своей двоюродной сестрой Зухрой Ерзиной. Сначала мы ходили учиться к ней домой, а потом уже в воскресную школу при мечети, там учила нас тоже она». Мафтуха Агеева преподавала в мектебе при мечети на Большой Татарской, когда там учил местных татарских детей и Муса Бигеев, вынужденно проживавший в Москве в середине 20-х гг. В конце противоречивых 20-х гг. мектеб был окончательно закрыт.

Большую часть жизни Мафтуха Хасановна была домохозяйкой, а в годы репрессий ей пришлось поработать и домработницей – она воспитывала детей видного большевика Турара Рыскулова, заместителя наркомна РСФСР в 1921–1922, заместителя председателя СНК РСФСР, в 1926–1937 расстрелянного в 1938 году. Мафтуха Хасановна с большой теплотой вспоминала и самого Рыскулова и его семью (жену и дочку с сыном), их уважительное к ней отношение.

Постепенно Мафтуха Хасановна становилась уважаемым членом татарской общины благодаря и причастности к семье духовных руководителей и успешной учительской деятельности, и, главным образом, своей отзывчивости, доброте, желанию помочь каждому. Двери её дома были всегда гостеприимно открыты, и никто никогда не уходил от неё с обидой или непониманием.

В 1936–37 гг. Абдулла-хазрат Шамсутдинов был репрессирован и расстрелян; в лагерь была отправлена и его жена Магира Хайретдиновна. Дом Мафтухи Хасановны стал прибежищем для детей имама.

Из воспоминаний дочери муллы Ильсияр Шамсутдиновой: «Мафтуха апа мне заменяла мать, которая тогда сидела в лагерях в Мордовии. Я до сих пор помню, какой она была хорошей. У нее жила моя сестра Дильбар, после того как в 30-е годы отказалась от отца, из-за того что он был муллой. На нее были очень сильные гонения. Дильбар так переживала, что даже заболела менингитом. Она пошла на этот шаг, потому что куда ее не принимали. После школы она пыталась устроиться на бухгалтерские курсы при ГУМе – ее даже туда не приняли. Отец наш ходил к сестре по ночам, так как ей было запрещено с ним общаться».

Мафтуха Хасановна также проводила медресы, её часто приглашали татары, жившие в коммунальных квартирах старых домов в замоскворецких переулках, на Новокузнецкой, Большой Ордынки, Пятницкой, улице Землячки (так с 1947 года называлась Большая Татарская). Она получала мизерную пенсию 9 рублей, небольшим подспорьем была садака, которую ей давали за чтение молитв. Это позволяло выжить. Религиозная жизнь татар в этом старинном московском районе никогда не прерывалась.

Из воспоминаний Наиля Хамзина: «Дома мы с нею, естественно, говорили на татарском языке. Бабушка пыталась обучить меня некоторым молитвам, посвящая в основы знаний ислама и шариата, делала попытки научить арабскому письму. Но русское окружение, необходимость знания русского языка для повседневного общения вне дома делали своё дело, и русский разговорный язык постепенно вынужденно становился для меня основным. И бабушке пришлось совершить, я считаю, подвиг! Она на русском объяснялась полу-внятно, не говоря уже о письме по-русски, стала меня учить русскому письму! Благодаря ей в 5 лет я освоил русские буквы».

До последних дней жизни Мафтуха Хасановна строго соблюдала совершение намаза и соблюдение постов. Жила она уже не в родном Замоскворечье, а в новой квартире внука на Аргуновской улице в Останкино. Умерла она в июле 1981 года, дожив до 92 лет. Могила Мафтухи Хасановны Агеевой находится на семейном участке Агеевых-Шамсутдиновых на Даниловском мусульманском кладбище.

РЕНАТ ИБРАГИМОВ В КРЕМЛЕ

Грандиозный вечер в честь недавнего 70-летия легенды советской, российской и татарской эстрады народного артиста РСФСР и Республики Татарстан Рената Ибрагимова прошел в московском Большом Кремлевском дворце. 6 тысяч зрителей остались в восторге от увиденного.

В разноплановой и насыщенной концертной программе «По морю жизни» Ренат Исламович исполнил свои лучшие музыкальные произведения, которые дарил своему зрителю на протяжении 50 лет творческого пути.

Зрителей уже в фойе встречал шум морского прибоя и крики чаек. Здесь же была развернута выставка «На корабле судьбы», на которой были представлены архивные фотографии разных лет, запечатлевшие знаковые моменты жизни народного артиста России и Татарстана, рукописи текстов его авторских песен и интересные образы из телепроекта «Точь-в-точь» на Первом канале. Морская стилистика была выбрана не случайно. Отправной точкой стала новая книга юбиляра «По морю жизни».

Начался же концерт со знаменитой песни **Фрэнка Синатры** «Мой путь», которую Ибрагимов представил вместе с Государственным камерным хором Республики Татарстан. При этом сцена была построена в виде корабля, в иллюминаторе которого сначала мелькали кадры черно-белой фотохроники с выступлениями Ибрагимова, а затем их сменили потрясающе красивые морские волны, которые словно бы выливались в зал, накатывали на корму и создавали ощущение, что зрители и в самом деле плывут на одном корабле в далекую безбрежную даль.

Затем к юбилею присоединилась победительница шоу «Голос Дина Гарипова», и они исполнили на татарском языке песню «Ай, былбылым». А на большом экране разворачивались живописные картины татарстанской природы: леса и реки с высоты птичьего полета. И это тоже было завораживающе красиво.

Сам юбиляр почти весь вечер был на сцене, а к нему присоединялись гости. В дуэте с легендарным артистом выступили его друзья и именитые коллеги. С **Розой Рымбаевой** из Казахстана он исполнил песню «Верни мне музыку», с **Анатолием Ярмоленко** из Белоруссии — песню из репертуара «Сябров» «А я лягу, прилягу», с гостем из Ташкента **Фарухом Закировым** — «Чайхану» узбекской группы «Ялла».

Ренат Ибрагимов пел на русском, татарском, английском, итальянском, испанском и многих других языках. Прозвучали советские, российские, татарские и мировые хиты: «Тэфтиляу», «Королева красоты», «В краю магнолий», «Листья желтые», «Besame Mucho», «Старый клен», «Темная ночь», Ария Мистера Икс из оперетты «Принцесса цирка» и многие другие популярные песни.

В концерте также приняли участие Марат Башаров, Маргарита Позоян, Ержан Нургалиев, группа «Kazan World», арт-группа «Тенора 21 века», детский музыкальный театр «Домисолька», Государственный камерный хор Республики Татарстан, другие артисты и коллективы. Аккомпанировал артистам на сцене в течение нескольких часов Центральный пограничный ансамбль ФСБ России под руководством Андрея Капралова.

Среди зрителей было много известных лиц. Это заместитель Премьер-министра Республики Татарстан — полномочный представитель РТ в РФ Равиль Ахметшин, председатель Совета муфтиев России и ДУМ РФ муфтий Равиль Гайнутдин, кардиохирург Ренат Акчурин, академик Роберт Нигматулин, представители посольств свыше 30 стран, в частности, послы Турции, Румынии, Казахстана, Беларуси и Кыргызстана.

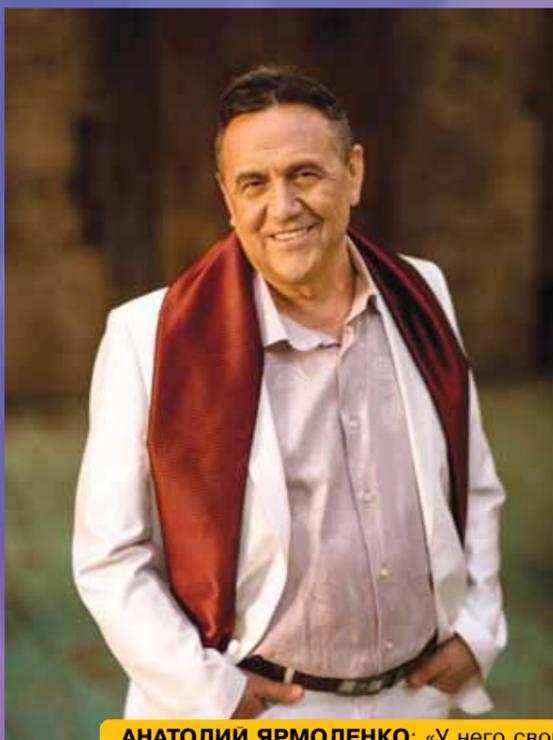
На аккорды финальной композиции Ибрагимов выбрал песню «Наш город»: «Мне хорошо с тобой всегда идти, идти всегда везде одной тропой, и в снегопад, и в дождик проливной». Ему рукоплескала и подпевала шеститысячная аудитория — ценители высокой культуры.

Фарух Закиров: «Ибрагимову помогает то, что он татарин. Мы с ним давно знакомы, и у нас с ним много родного, родственного. Я чувствую его обычаи, традиции, менталитет. Очень многое переключается. И еще Ренат очень добрый, чистый человек. И естественно, это сказывается на тембре его замечательном, на его классическом баритоне. Может быть, его секрет в том, что добрые глаза светятся неповторимой чистой энергетикой, которая идет со сцены. И эта энергетика творит свои чудеса. В этом его сценическое обаяние. Он вообще классный мужик!»

Роза РЫМБАЕВА: «Для него без разницы, какую музыку исполнять. Татарскую, итальянскую, американскую. Он мастер своего дела. Настоящий вокалист. Он и в опере может петь, и в оперетте, и на эстраде. Он у нас в стране певец номер один».

АНАТОЛИИ ЯРМОЛЕНКО: «У него свой колорит. Он всегда выгодно отличался своей гостеприимностью, широкой улыбкой, многогранностью таланта. Ему все всегда удавалось. Всегда было видно, что это Ренат Ибрагимов. Со своим тембром, который у него отличается от других. Он его сумел сохранить на протяжении долгих лет. Мы видим, как его уважают и как много представителей национальной культуры сегодня здесь. И это очень здорово. Мы увидели большой пласт национальной культуры благодаря ему. Хочется пожелать ему и здоровья, долгих лет и успехов. Пусть гордится и Татарстан, и Россия своим соловьем».

Бари АЛИБАСОВ: «Вообще, Ренат уникальный человек. Он, конечно, не шоу-бизнес. Он слишком добрый для шоу-бизнеса. У него такие глубокие корни добра, любви, уважения. Особенно к профессионалам, у которых он учился. Я имею в виду регулярную систему музыкального обучения. Мы же видим, у кого он учился. Когда его слушаешь — наслаждение. Не надо напрягаться. Просто пришел, расслабился и утонул в его музыке».

Ренат Ибрагимов

Назад в детство

(глава из книги «По морю жизни»)

Меня иногда приглашают мои друзья и родственники на семейные праздники, юбилеи, свадьбы, дни рождения. Когда я присутствую на золотых свадьбах, то всегда замечаю одну закономерность. Юбиляры, отмечающие пятидесятилетие совместной жизни, всегда выглядят молодо, полны энергии и задора. А ведь им уже под восемьдесят лет, и при этом видно невооруженным глазом, что они по-прежнему влюблены друг в друга. Эти счастливые пары, раз в жизни встретившись и влюбившись навсегда, сохранили это чувство, пронесли его через многочисленные жизненные трудности и невзгоды. Между ними всегда присутствуют гармония, взаимопонимание, и они очень редко ссорятся. Как обычно, дети и внуки, рожденные и выросшие в такой атмосфере любви и согласия, также излучают любовь и счастье. В священном Коране сказано: «Верующему я дам верующую, а безбожнику - грешницу». После 50 лет я начал задумываться о смысле жизни и, общаясь с верующими людьми, наблюдая за ними, постепенно пришел к вере во Всевышнего. Мне захотелось, чтобы рядом со мной по жизни была женщина, верующая в Бога и соблюдающая правила жизни согласно святым писаниям, и такая девушка появилась на моем пути, когда я уже отметил свое 60-летие. А моя будущая жена Светлана была очень молода. И хотя разница в возрасте была немалая, рядом с ней я чувствовал себя ее ровесником. Светлана проживала в небольшом городке в Татарстане, и, закончив школу с золотой медалью, решила со своими школьными друзьями ехать в Казань для поступления в вуз. Вдруг она резко меняет свои планы и принимает решение ехать в Москву для поступления в московский вуз. Решение было неожиданно даже для самой Светы, не говоря уже о ее родителях, которые пришли в недоумение и беспокойство. Как можно юной семнадцатилетней девушке ехать без друзей в огромный город для поступления в университет без моральной и материальной поддержки. Света, вспоминая те дни, говорила: «Меня вела какая-то неведомая сила и у меня при этом не было ни малейшего сомнения, что я поступаю верно». Успешно сдав вступительные экзамены, она была зачислена на бюджетный факультет университета. Проучившись там один год, и успешно сдав сессию, Светлана неожиданно бросает учебу и решает поступать заново на первый курс другого московского вуза. Причиной этого решения было то, что учеба в предыдущем университете оказалась ей бесполезной тратой времени. Вновь удачно сдав вступительные экзамены, она начинает учебу на первом курсе в новом университете на бюджетном факультете международной экономики. Сдавая на отлично сессию, получает мизерную стипендию, которой не хватает даже на аренду комнаты для проживания. И хотя учеба занимает много времени и сил, решает пойти, как и многие студенты, работать официанткой в китайский ресторан. Я любитель хорошего китайского чая и изредка захоживаю в китайские рестораны. Там я и встретил в первый раз свою будущую жену Светлану.

Жена Светлана, дети Асылбикэ, Айша, Атилла

При первой же встрече она привлекла мое внимание своей светлой, открытой улыбкой. А когда я узнал, что она татарка и прекрасно говорит на родном языке, то подумал: «Вот была бы хорошая жена» - и мысленно позавидовал ее будущему избраннику. Через месяц, зайдя в этот же ресторан и снова встретив Свету, я поймал себя на мысли, что мне хочется ее видеть и общаться с ней. На этот раз она рассказала о своей учебе, и я заинтересовался, не тяжело ли ей учиться на дневном факультете и работать официанткой. Она призналась, что в конце рабочего дня у нее от подносов с тяжелыми чугунными чайниками отваливаются руки, и не хватает времени на подготовку домашнего задания по учебе. Моя студия-офис находилась недалеко от этого ресторана, и я предложил ей перейти ко мне на работу, тем более, что она прекрасно умеет работать с компьютером. Таким образом, у меня появилась возможность чаще видеть Светлану, а у нее появилось дополнительное время для подготовки к лекциям. Так продолжалось почти год. За это время, общаясь со Светой, я понял, что она мне стала дорога, и я постоянно ощущал желание видеть ее. Оказалось, что и она испытывала ко мне ответные чувства. Мы признались друг другу в любви и решили соединить наши судьбы. Я пригласил знакомого муллу, он прямо в офисе прочитал нам «никах» - мусульманский обряд венчания. И мы дали друг другу обещание в любви и верности перед Всевышним. Родители Светланы, проживавшие в Татарстане, встретили меня тепло, как родственника. А когда зашел разговор о корнях моего деда по отцовской линии и деда Аклимы, так зовут маму Светы, оказалось, что они родом из одной деревни Урта Бишенды. Там же в городке

я познакомился со своими троюродными сестрами, и с ними мы побывали в родном ауле моего отца. Они показали место, где у речки раньше находились дом моего деда Хаджи-Ахмата и мечеть, построенная им после возвращения из хаджа. Сейчас на этом месте стоят дома других жителей аула. Сестры рассказали мне, что у моего деда был родной брат, мастер по izdeliyam из серебра, а Аклима рассказала до этого, что ее дедушка, живший в этом же ауле, был ювелиром-мастером по серебру. Сопоставив эти факты, мы пришли к выводу, что дедушка Аклимы и мой дед Хаджи-Ахмат были родными братьями. Таким образом, получалось, что Аклима, мама Светы, приходится мне троюродной сестрой, а ее дочь Светлана, ставшая мне женой, приходится троюродной племянницей. Пути господни неисповедимы!

Старинный уклад деревенской жизни, когда в семье есть три поколения: дедушка с бабушкой, молодые родители и их дети, является, по моему мнению, самым гармоничным и взаимовыгодным союзом для всех членов семьи. Я предложил родителям Светланы переехать в Москву для совместной жизни, на что они согласились и, продав свой дом в Уруссу, переехали в Москву.

В детском возрасте летние месяцы я проводил в деревне Туишево, на родине моей мамы, эти дни остались в моей памяти яркими солнечными воспоминаниями. Я всегда мечтал жить на природе в лесу с речкой. Это время я описал в 1-й части моих воспоминаний под названием «По морю жизни».

Сегодня моя семья в составе: дедушка и бабушка - родители жены, я, Света и трое наших детей, проживаем подмосковном лесу с речкой. В сених у нас пахнут яблоками, собранными в нашем саду, на столе стоят самовар с ароматным чаем и малиновое варенье из наших ягод. По утрам поет петух, а наших гостей мы угощаем яйцами наших несушек и молоком от нашей козы. По елям снуют белки, по речке плавают дикие утки, раздаются гортанные крики диких фазанов, разгуливающих со своими фазанятами по нашему участку. Два-три раза в неделю дымится труба на баньке у речки. Но самое радостное - это слышать в течение всего дня звонкие голоса наших детишек. Я каждый день благодарю Аллаха за то, что еще при жизни на земле он создал этот рай для меня и моей семьи.

Дина Гарипова: «Его плюс как артиста в том, что он интернациональный. Он свой и для татар, и настоящий российский артист. Может исполнить любую композицию и в каждой органичен. Его феномен в том, что он многогранный. Я очень люблю этого артиста. Я с ним знакома уже не первый год и восхищаюсь им».

Хәнәфи Бәдигый

Шагыйрь һәм мөгаллим. Татарстан Республикасының атказанган мәдәният хезмәткәре.

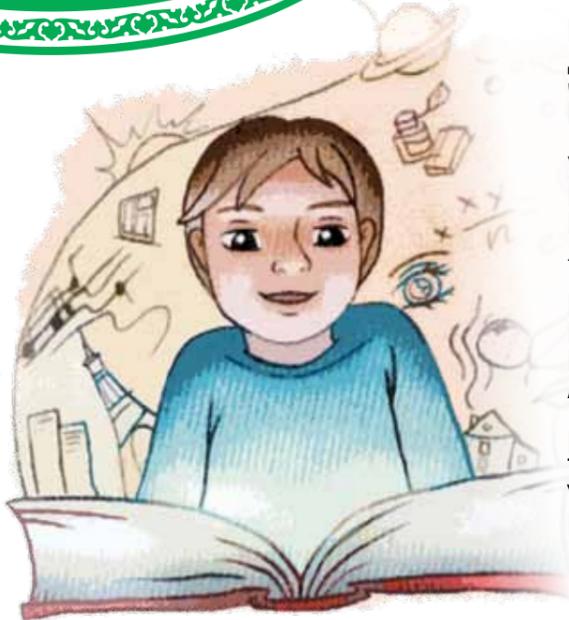
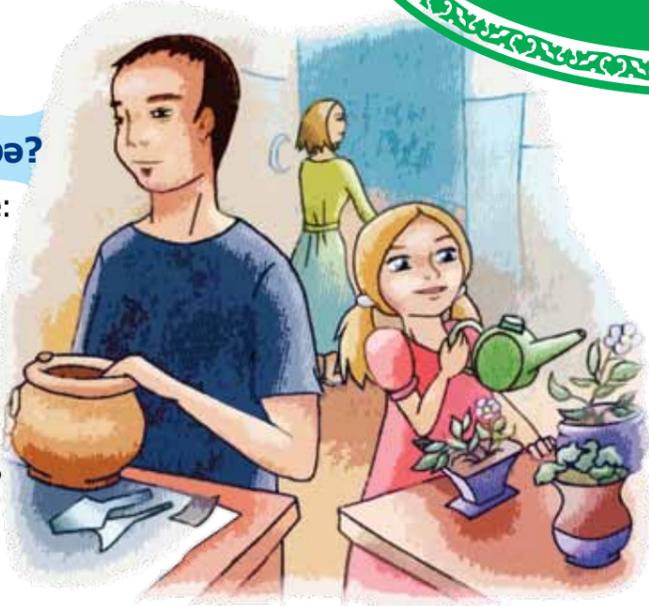

Гөлләрне кем үстерә?

– Өй түрегез бигрәк ямьле:
Тәрәз саен гөл үсә.
Шау чәчәкле ул гөлләрне
Кем үстерә, Гөлүсә?

– Гөл савытын әти ясый,
Туфрагын сала әни.
Орлыгын чәчеп үстереп,
Үзе утырта әби.

– Гөлгә суны кем сибә соң?
Су сипкәнгә гөл үсә!
– Гөлләргә су сибүчеме,
Улмы, ул мин – Гөлүсә!

Иң якин дус

Нишләсәң дә, дуслар кирәк,
Дуслар белән күңелле!
Әгәр дусларың булмаса,
Бик күңелсез бит инде.

Укыганда, уйнаганда,
Матур уй уйлаганда,
Ышанычлы якин дуслар
Янәшәдә һаман да.

Киңшәсәң, серләшсәң,
Бер-береңне аңдыйсың.
Шуңа күрә андый дустан
Аерыла алмыйсың.

Минем дә бар шундый дустым,
Торам һәрвакыт мактап.
"Ул дус кем?"—дип сорасагыз,
Билгеле инде – китап!

Туган ил

Жылы яктан туган жиргә
Кошлар кайта сагынып.
Мактый алар туган илне,
Канатларын кагынып.

Кошлар телен белмәсәм дә,
Тавышларын танийм мин.
Туган жирне сагынганнар -
Сайрауларын аңлыйм мин.

Мин кош булсам, еракларда
Оялар кормас идем.
Чит жирләрне якин итеп,
Бер көн дә тормас идем.

Ярый эле кайткан кошлар
Белмиләр минем телне.
Юкса киталмаслар иде,
Калдырып туган илне!

Уңган кыз

Әминә инде зур үскән,
Тиздән мәктәпкә керә.
Әбисенә булыша ул -
Инештән су китерә.

Бизәкле ал көянтәсе,
Чәчәкле чиләкләре.
- Сулы чиләк авыр, - ди ул.
Нечкә шул беләкләре.

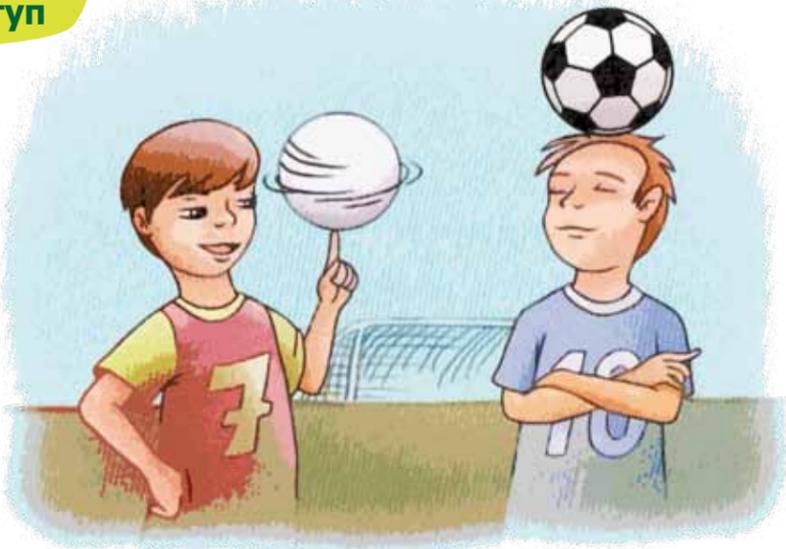
Тулмый да тулмый кисмәгем,
Бәлки, төпсездер, житәр.
Инешне ташып бетерсәм,
Күршеләргә су бетәр!

Акыллы туп

Камил әйтә:
- Иң яхшы туп
минекә,
һәркем күрә!
Ул шундый тиз
тәгәри һәм
биеккәрәк
сикерә!

Жәмил әйтә:
- Бөтен туп та
тәгәри дә
сикерә.
Ә минекә
акыллырак:
Типкәч,
капкага керә!

Буран

Буран карлар туздыра,
Кайчак дулап сызгыра.
Безнең белән уйнаса,
Колактарны кыздыра.

Әле ятып кар ашый,
Иә аны кырга ташый.
Иә, ачып кыш юрганың,
Жирнең аркасын кашый.

Жил-давыл уйнамаса,
Юлга карлар тулмаса,
Яме булмас дөньяның,
Кышын буран булмаса.

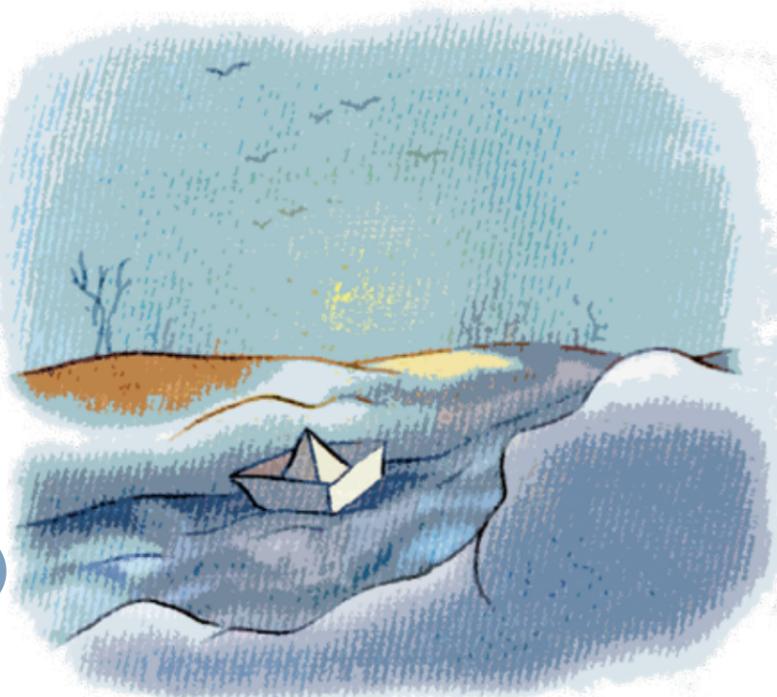
Чыпчыклар

Кунып сәрви куагына,
Бер көтү чыпчык
Чыркылдашалар шатланып:
-Менә кыш чыктык!

Сөйләгәндәй алар безгә
Ни күргәнәннәрен,
Кешеләрнең «Ашагыз!» - дип,
Жим биргәннәрен.

Жылы якка киткән кошлар
Әле кайтмаган.
Чыпчыклар дөртле жырларын
Жуймый саклаган.

Чыпчыклар күңелле итеп
Чыркылдый, жырлый.
Сөекле туган илләрен
Алар да зурлый.

Дмитрий Казаков

От санскрита до иврита...

До сих пор не до конца ясно, что такое этнос, но почти все исследователи одним из важнейших его признаков именуют язык. Например, историк и этнограф академик Ю. В. Бромлей в книге «Очерки теории этноса» (1983 год) вывел следующее определение: «Этнос — исторически сложившаяся устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики». С теоретической точки зрения это выглядит логично, хотя в реальности всё обстоит не так просто: встречаются ситуации, когда этнос вроде бы есть, и особенности культуры в наличии, и история общая, но языка своего не имеется. Либо он забыт и используется чужой, либо в ходу множество диалектов, носители которых понимают друг друга не так уж и хорошо, порой куда хуже, чем иностранцев.

Поправить дело можно с помощью языкового нормирования. Включается процесс нормирования не сам по себе, а волей и желанием конкретных людей, тех, кто воспринимает описанную выше ситуацию как критическую, исключительно опасную для этноса, связанную с риском потерять «лицо» и исчезнуть, раствориться. Одним из первых проектов языкового нормирования стала знаменитая грамматика индийского учёного Панини, написанная в V веке до нашей эры.

Панини описал фонетику, морфологию и синтаксис санскрита, используя дожившие до наших времён термины «фонема», «морфема», «корень» и «часть речи». Интересно только, что ни в одном из дошедших до нас письменных памятников санскрит не представлен именно в таком виде, как его изобразил Панини. Во всех текстах язык неизменно отступает от «нормы». Можно предположить, что грамматика не столько описывала, сколько формировала язык, общий для интеллектуальной элиты Северной Индии вне зависимости от племени и государства. Со своей задачей Панини справился блестяще. В XVI веке, когда в Европу пришло Новое время, и начали формироваться современные этносы, у него появились последователи.

В 1483 году, когда в саксонском городке Айсleben родился Мартин Лютер, Германия представляла собой рыхлый конгломерат слабо связанных между собой государств. В каждом из них говорили на своём языке, а в качестве средства общения между образованными людьми использовалась латынь. Понятие собственно «немецкого» появилось у занимавшегося переводом аббата Ноткера Губастого около 1000 года, но на самом деле этих немецких языков было очень много и они сильно различались. Как писал сам Мартин Лютер, «в Германии есть множество диалектов, то есть говоров, так что люди в двадцати пяти милях друг от друга не могут понять друг друга». Немцы осознавали себя скорее не единым этносом, а набором близкородственных этносов: баварцев, саксонцев, швабов, франконцев и так далее.

Выбравший карьеру теолога, Лютер в 1517 году становится лидером Реформации, политико-религиозного движения, направленного в первую очередь против папства. Простой монах, он составил девяносто пять тезисов, с которых пошёл протестантизм, и принялся за неслыханное дело — перевод Священного Писания (Библии) с латыни на обычный язык простого народа! Вот только какой из «немецких» выбрать? Если взять диалект одной из земель, скажем, венский или нидерландский, то жители других областей ничего не поймут, а ведь задача в том, чтобы немецкую Библию приняла все жители от Северного моря до Альп и от Рейна до Кёнигсберга! И Мартин Лютер нашёл выход. За основу он взял язык документов и чиновников Мейсенской канцелярии (герцогство Саксония). Но дополнил его элементами разных диалектов, в первую очередь, баварских. Не забыл и о средненемецких. Насколько удачным оказался этот гибрид, названный новонемецким, можно судить по тому, что всего за десять лет вышло более восьмидесяти изданий написанного на нём Нового Завета, а полный перевод Библии за полвека разошёлся тиражом в сто тысяч экземпляров, что неслыханно много по меркам XVI века. Как писал один из немецких богословов того времени, «Новый Завет Лютера был настолько растиражирован и распространён печатниками, что даже портные и сапожники, женщины и необразованные люди, воспринявшие это лютеранское Евангелие и хоть немного умевшие читать на немецком, изучали его с великим энтузиазмом как источник истины. Некоторые заучивали его наизусть и носили с собой за пазухой». А раз читали и заучивали, то понимали и привыкли использовать именно новонемецкий, а не местный диалект, пусть для начала в общении с гостями из других земель. Очень быстро «нойхохойч» стал письменным для всей северной и центральной Германии, а к XVIII веку завоевал и юг. Да, потом были братья Гримм, составившие первый этимологический немецкий словарь. Затем Кристоф Аделунг нормализовал и унифицировал литературную норму, появились словарь и свод правил грамматики и правописания Конрада Дудена. Вот так основы современного немецкого и единой немецкой нации заложил Мартин Лютер своим переводом Нового Завета.

Следующий проект языкового нормирования возник, как это ни забавно, в противовес именно немецкому. В XIV—XV веках Чешское королевство было заметным явлением на карте Европы, и трон там занимали люди не из последних. Например, Ян Слепой, настоящий гражданин мира, погиб в битве при Креси, а его сын Карл Четвёртый основал университет в Праге и стал правителем Священной Римской империи. К тому времени древнечешский язык развился до литературного,

на нём писали стихи, составляли документы, излагали тексты духовного характера. Возникло высокое наречие, которое именуют обычно «гуманистическим чешским языком». Но, как известно, мирская слава проходит; в битве при Мохаче в 1526 году погиб последний чешский король, его корона перешла к австрийскому Габсбургам. Столетие спустя чешские протестанты (а у них была Библия на родном языке — так называемая Кралицкая) потерпели поражение при Белой Горе и лишились политического влияния, и примерно в то же время территорию Богемии охватила активная немецкая колонизация. Обширные земли перешли в руки германских баронов, и те начали заселять их соотечественниками, перемещая целые деревни. Да и чешские паны, которым для общения с властями в Вене требовался в первую очередь язык Лютера, язык империи, быстро онемечивались. Иезуиты, проникшие в страну на волне рекатолизации, считали древние книги на чешском еретическими и занимались их истреблением. К концу XVIII века единый язык распался на несколько диалектов, и те сохранились в основном среди крестьян; латынь в науке заменил тот же немецкий. Но на территории бывшей Чешской короны нашлись люди, осознавшие, что их нации грозит полное онемечивание, лишение собственного языка, а следовательно — уничтожение. Началось то, что позже назвали Чешским национальным возрождением. Одним из его лидеров стал Йозеф Добровский, филолог, лингвист, литературовед, фольклорист, историк и просветитель. В 1809 году он издал первую грамматику — кодификацию «высокого», «настоящего» языка и в качестве ориентира взял всё тот же «гуманистический чешский» XVI века. А разница между ним и народным говором (точнее, говорами) была в то время очень существенной. Всё, что происходило во времена австрийского владычества, Добровский считал «порчей языка». Но что интересно, к перспективам возрождённого чешского сам его создатель относился скептически и им практически не пользовался, хотя, вопреки историческим анекдотам, всё же владел.

Куда более последовательными оказались ученики Добровского, назвавшие то, что они пропагандировали, «возрождённый чешский». Йозеф Юнгман не только сам писал на чешском, но и перевёл на него Мильтона, Гёте и Шиллера и составил пятитомный чешско-немецкий словарь, в котором предпринял попытки расширения словарного запаса с помощью словотворчества и заимствования из соседних славянских языков. Вацлав Крамериус создал книгоиздание и газетное дело на родном языке, Божена Немцова заложила основы современной чешской прозы, Карел Маха и Йозеф Тыл — поэзии. Ян Гебауэр сочинил фундаментальные исследования истории и грамматики чешского языка и в своих работах ещё сильнее закрепил отрыв высокого языка науки и литературы от народного, «испорченного». Разница между тем и другим начала уменьшаться только после 1918 года, когда в виде Чехословацкой республики было воссоздано чешское национальное государство. Возник Кабинет чешского языка, ставший позднее институтом, который принял за регулятор естественные до того процессы, формировать общую для всех норму. Труды Добровского с учениками не пропали зря, уже через сто лет после его смерти на улицах Праги вновь заговорили по-чешски, а немецкий стал для её жителей иностранным, чужим языком.

Языковая лавина Норвегия в своё время претерпела трансформацию не менее жёсткую, чем Чехия. В 1397 году она потеряла независимость и из могучей державы с собственными колониями, страны саг и конунгов на четыре века превратилась в колонию, в глухую провинцию не самой великой державы — Дании. Датский и норвежский языки — близкие родственники, а второй всегда, с глубокой древности, состоял из множества диалектов. Поэтому ничего удивительного, что язык чужаков оказался более лёгким для усвоения, единым во всех областях и на нём говорили и писали чиновники-датчане. На датский перевели законы; после Реформации он заменил латынь в церквях и школах и стал языком образованных горожан, языком книг, науки и литературы. Норвежский (скорее, норвежские) уцелел в сельской местности, и им пользовался простой люд. Но в 1814 году страна вновь обрела независимость. А один из признаков «настоящей» независимости — свой язык. И норвежцы ринулись его создавать, «норвегизировать» литературный датский — легализовать городское произношение, отразить его в письме, ввести в литературный язык специфические норвежские слова, формы или обороты, заимствовать недостающие слова из других языков, в первую очередь латинского и немецкого. В результате возник государственный язык. Но не всех устроил такой подход, ведь, в конечном счёте, основой национального языка стал тот же датский. Наиболее радикальные реформаторы попытались вернуться к языку предков, истинному норвежскому, используя прекрасно сохранившиеся говоры сельской Норвегии. Идея создания гибрида из диалектов принадлежит историку Петеру Мунку, который писал: «Никакое диалектное произношение никогда не может стать литературным языком. Литературный язык — это гармония говоров, сведённых к простой, благородной, первоначальной форме языка». Воплотил идею на практике лингвист-самоучка Ивар Осен, выпустивший в 1853 году книгу «Образцы деревенского языка Норвегии» — антологию текстов на разных норвежских диалектах (всего он использовал 31, из которых 5 восточно-норвежских и 26 западно-норвежских). В приложении к антологии Осен опубликовал несколько текстов на

медиализованном языке, синтезе диалектных форм. Нормализованный норвежский этих текстов и стал первым образцом той письменной нормы, которая получила название «народный язык».

Осен, будучи романтически настроенным патриотом, искренне думал, что возрождает язык предков, но на самом деле он невольно опирался на родные для него самого говоры Западной Норвегии, без особого на то основания считая их более древними, «исконными», не испорченными за время датского правления. Ничего удивительного, что этот язык прижился в основном в западных частях страны, в других регионах его используют куда меньше, но всё же на нём в разное время говорили до одной пятой всех норвежцев. Только вот языковые приключения страны викингов на этом не закончились. В начале XX века покатились одна за другой реформы (1917, 1938, 1959 годы), пришло в движение то, что один из исследователей-германистов назвал языковой лавиной: «...языковая лавина была приведена в движение, лавина, которая всё ещё скользит, и никто не знает, как её остановить, хотя многие были бы счастливы сделать это». И сыпется она, и сыпется до сих пор, и парадокс, что в стране, где два государственных языка, не существует общей произносительной нормы. Каждый норвежец имеет право произносить слова так, как ему хочется, и только написание для всех одно... нет, два... нет, три... или больше? Мечтал ли о таком Ивар Осен? Сомнительно.

Свой язык у евреев был ещё в XII веке до нашей эры, к тому времени относят библейскую «Песнь Деворы». Но с уничтожением Второго Храма и началом расселения людей он перестал быть разговорным, остался только в богослужении. Почти полтора тысячелетия на нём пишут научные труды и каббалистические трактаты, но сами евреи используют в повседневной жизни другие наречия, как чужие, так и возникающие в их собственной среде. К числу последних относятся в первую очередь идиш (язык германской группы с обширными заимствованиями из славянских наречий) и сефардский, или ладино (иберо-романский по происхождению). В начале XX века возникла идея возрождения Израиля и немедленно встал вопрос: какой язык должен стать государственным? Возможно, выбор был бы сделан в пользу идиша (им тогда пользовались более десяти миллионов евреев по всему миру), если бы не один человек — Элизер Бен-Иехуда, родившийся в Российской империи. В 1881 году он переехал в Палестину, а когда через год у него родился сын Бен-Цион, Бен-Иехуда решил, что его наследник будет говорить только на древнееврейском языке. Он изолировал мальчика от сверстников, а супруге категорически запретил петь колыбельные на русском или идише. Этим Бен-Иехуда не ограничился. Он основал газету на возрождённом языке, учредил Комитет языка иврит (превратившийся затем в Академию иврита) и начал работу над первым словарём иврита. Бен-Иехуда не остался в одиночестве, его поддержали многие: в 1904 году Союз взаимопомощи немецких евреев основал в Иерусалиме учительскую семинарию для преподавателей иврита, в 1905-м в Яффо открылась «Герцлия» — первая средняя школа с обучением на иврите. В общинах-кибуцах всё чаще и чаще изучали именно его, поскольку для переселенцев из разных стран он был одинаково чужим, но в то же время обладал ореолом подлинности, древности.

Не всё шло легко. События первой половины XX века в Палестине иногда называют «войной языков». Даже классика идишской литературы Шолом-Алейхема долгое время издавали исключительно на иврите. Только вот иврит — а само это слово означает «еврейская», поскольку слово «язык» (сафа) женского рода, — получился не совсем тем языком, на котором говорили евреи времён Давида или первых римских императоров. Он обогатился множеством слов, коих просто не существовало восемнадцать веков назад, и претерпел грамматические изменения под влиянием тех же идиша и ладино. Например, изменился порядок слов, трансформировалась система глагольных времён: совершенное и несовершенное преобразовались в прошедшее и будущее, а настоящее стало выражаться причастиями. Что касается обогащения иврита новыми словами, то этот процесс — большей частью упорядоченный, и им в первую очередь занимается Академия языка. Применяется слияние-сокращение терминов (вроде нашего «колхоз») и прямое заимствование из иностранных: английского, немецкого, французского, русского. В современном иврите число слов, взятых из тех, что бытовали в древности, оценивается в двадцать тысяч, в то время как новообразований и заимствований больше ста тысяч. Но это не мешает ивриту быть полноценным, живым языком со своими яркими особенностями. В Израиле у него конкурентов нет, и именно его учат евреи по всему миру, а ладино и идиш стали лингвистической экзотикой. Очевидно, что нормирование языков — процесс спорадический, случайный, а успех или неуспех зависит от усилий энтузиастов, не всегда лингвистов профессионалов. Но наука не стоит на месте...

И кто знает, может быть, через тысячелетие или два возникнет набор методов и практик, когда языки будут проектировать так, как сейчас проектируют автомобили, не только возрождая старые наречия, но и создавая новые для той или иной национальной или просто коммуникативной среды. Об этом писал известный писатель-фантаст Джек Вэнс в романе «Языки Пао», где языковая инженерия используется на уровне даже сравнительно небольших наций, а огромных народов, планет и цивилизаций.

Ильдар Сафуанов, доктор педагогических наук, профессор МГПУ

Доброе имя

Прошло более восьми лет с тех пор, как не стало нашего отца, критика и литературоведа Суфияна Гаязовича Сафуанова. Я всё более убеждаюсь, что оставил он о себе добрую память в душах людей, которые его знали. Находясь в гуще татарской и башкирской литературной жизни, имел он бесчисленное множество встреч с известными писателями, а библиотека его была полна подписанными ими книгами. На одной из них известный ученый Московского университета Роберт Бикмухаметов написал: «Суфияну Сафуанову, одному из самых хороших людей, что довелось мне встретить на жизненном пути, человеку, которому суждено быть счастливым».

Вот отрывки из других посвящений: «Протянувшему руку помощи, чтобы я не заблудился на литературной тропе»; «Внимательному и искреннему»; «Учёному большого сердца и великого ума»; «Умом – учёный, сердцем – поэт»; «Всегда готовому помочь»...

Признаться, нас в детстве несколько огорчала его предельно уважительное отношение к окружающим, нам порой казалось, что происходит это за счёт внимания к нам. Теперь понятно, что доброжелательное отношение к людям независимо от их статуса было неотъемлемой чертой его личности. В то же время ему присуще было обостренное чувство справедливости, сочувствия к тем, кто больше нуждается в помощи и поддержке. Поэтому, например, он почти ничего не писал о наиболее знаменитых и успешных поэтах – о Мустае Кариме, Назаре Наджми, Сибгате Хакиме, хотя относился к ним с огромным уважением и прекрасно знал их творчество...

Не мог мириться с несправедливостью, порой, не задумываясь, ввязывался в

борьбу с ней. Однако, не будучи искушён в хитросплетениях таких столкновений, часто терпел потери лично для себя.

Возвращаясь к словам Роберта Бикмухаметова, отметим, что отец, пожалуй, в самом деле, был счастливым человеком – прежде всего потому, что был самодостаточным, всегда занимался любимым делом. А ведь жизнь его совсем не была легкой.

Родился он в деревне Бикметово Кандринского (ныне Туймазинского) района Башкортостана 2 октября 1931 года, в разгар коллективизации. Отец Суфияна, наш дед Гаяз Сафуанов принципиально не вступил в колхоз и устроился работать путевым обходчиком на железную дорогу.

В колхозе среди активистов попадались разные люди, а то и бывшие бездельники, которых раздражала независимость деда, и не раз он подвергался доносам, клевете. Спасало то, что железная дорога не давала его в обиду – ведь стал он там незаменимым работником. При этом дед умудрялся тайком исполнять в деревне функции муллы – читал Коран на похоронах, свадьбах, при рождении детей. Был трудолюбив и строг с домашними.

Когда началась война, заботы по присмотру за скотиной легли на среднего сына Суфияна уже с одиннадцати-двенадцати лет. Самой трудной же его обязанностью было ходить с мешками с зерном, которые выдавали семье как продовольственный паёк от железной дороги, на мельницы для помола, чаще всего в посёлок Кандры за 12 километров. Щуплый мальчик таскал мешки на ручной тележке пешком. Он вспоминал, как на мельнице взрослые мужики, нарушая очередь, лезли вперёд него, так что чаще всего он оставался последним. Многие были с телегами, запряжёнными лошадьми, но за всё время ни один не предложил подвезти – «своя рубашка ближе к телу». И ребёнок уже глубокими ногами возвращался в аул, волоча тяжёлую арбу.

Не раз ещё столкнётся он в жизни с жестокосердцем окружающего мира, но никакие удары не сломили в нём ни веры в свои силы, ни готовности помогать людям и служить своему народу.

С раннего детства увлёкся он чтением книг. Немало способствовало этому и то, что грамотными были его родители. Гаяз, воевавший и в Первую мировую, и в Гражданскую войну, умел читать как по-татарски (арабским шрифтом), так и по-русски, а за годы, проведённые в немецком плену в Восточной Пруссии, овладел их языком. Даже в пожилом возрасте мог общаться с поволжскими немцами из соседнего совхоза. Жена его, родившаяся в семье потомственных мулл, тоже была образованна. В доме знали родную литературу – Габдуллу Тукая, Махита Гафури, Галимджана Ибрагимова, Хасана Туфана, Мирсая Амира, Фатиха Карима и других, читали переводную – Пушкина, Толстого, даже «Робинзона Крузо» по-татарски.

Студенческий литературный кружок. Слева направо: Дилара Зубайрова, Хисам Камалов, Барлас Камалов, Суфиян Сафуанов, Ильдар Юзиев, Суфиян Поварисов. 1950-е годы.

После седьмого класса, в год окончания войны, ему не было и четырнадцати лет. Где учиться – никто не знал. Кто-то слышал, что можно учиться в училище в Шафраново, за Белебеем. Ехать туда надо было круглым путём, на поезде через Чишмы. Как член семьи железнодорожника поехал бесплатно, с небольшим чемоданом, в который уложили одежду на зиму и каравай хлеба. По дороге познакомился со сверстником. В Чишмах – пересадка. Пошёл закомпостировать билет, попросив паренька присмотреть за чемоданом. Вернулся на платформу – ни паренька, ни чемодана. Однако доехал до Шафранова, выучился на зоотехника. Когда к весне вернулся в Бикметово с приобретённой специальностью, четырнадцатилетнего подростка на работу в колхоз не взяли из-за маленького роста, назначили комсоргом.

Он поехал в Бугульму, в педучилище. Здесь попал в благотворную творческую среду – в одной группе с ним учились – будущий поэт и прозаик, фронтовик Хисам Камалов (вместе с ним Суфиян Сафуанов учился позднее и в Казанском пединституте), будущий работник внешней торговли и литератор Вахит Юнусов.

Окончив с отличием училище, в 1950 году Суфиян Сафуанов без экзаменов поступил в Казанский государственный педагогический институт. Показал себя способным и деятельным студентом, получал именную Тукаевскую стипендию, уже на втором курсе возглавил литературно-творческий кружок – а ведь вместе с ним учились его друзья, будущие известные писатели Ильдар Юзеев, однофамильцы Барлас и Хисам Камаловы, а ещё Марс Шабаев, Роберт Ахметзянов, Газиз Мухаметшин, тёзка Суфиян Поварисов. В Казанском университете в это время получали знания Роберт Бикмухаметов, Нил Юзеев, Мансур Хасанов, Абрар Каримуллин, Азат Ахмадуллин – целая плеяда будущих известных критиков и литературоведов.

Товарищи быстро признали способности однокашника к науке, так и называли его – «учёный Суфиян». Он и сам осознаёт свою склонность именно к исследованиям, бисерным почерком списывает толстые тетради конспектами о творчестве Габдуллы Тукая, Галиаскара Камала, Махита Гафури, Хади Такташа, Кави Наджми, Тази Гиззата, Мусы Джалиля, Аделя Кутуя, Фатиха Карима, Мирсая Амира, Гумера Баширова, Габдрахмана Абсалямова, Ибрагима Гази, Ахмета Файзи, Фатиха Хусни и других писателей. Номер за номером штудирует издававшиеся на татарском языке литературно-художественные журналы начала века.

Сам пишет статьи и короткие рассказы, печатается в студенческих альманахах, республиканских журналах и газетах. Ещё в студенческие годы Суфиян Сафуанов женился. В Казани родился первый сын, автор этих строк, а на родине жены, в Мамадыше – дочь Альфия и младший сын Фарит.

К сожалению, после окончания аспирантуры обременённому семьей молодому учёному не нашлось в столице Татарстана ни жилья, ни работы по специальности, и он принял приглашение из Уфы, из Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР.

В Уфе он сразу был вовлечён в работу по исследованию башкирской литературы. Пришлось отложить в сторону уже готовую кандидатскую диссертацию о творчестве Ибрагима Гази и следовало выполнить и защитить новую. Труд об И. Гази через несколько лет был издан в

виде очередной монографии в Казани. Суфиян Сафуанов писал многочисленные статьи для литературно-художественных журналов и научных сборников, монографии о видных писателях Анвере Бикчентаеве, Гайнана Хайри и Ахияре Хакимове. В возрасте 31 года вступил в Союз писателей СССР.

В Уфе отец взял на себя очень нужную работу по розыску и подготовке к печати неопубликованных или утерянных произведений тех писателей, которые уже сами не могли позаботиться обнародовании своих творений. Ещё в 1960 году, одновременно со своей первой монографией о творчестве жившего в Башкортостане писателя Али Карная, подготовил к печати книгу «Песня остаётся в строю» («Жыр сафта кала»), составленную из стихов погибших на фронтах Великой Отечественной войны поэтов Башкортостана. Позднее были подготовлены сборник рассказов Шигапа Шахара «Таинственная тропинка», повесть Хасана Мухтара «Зухра», публицистические произведения Сафуана Якшигулова, военные дневники Акрама Вали, неопубликованная рукопись Сагита Рамиева. Огромного труда потребовал розыск в архивах и подготовка к печати считавшихся утерянными крупных произведений известных прозаиков Даута Юлтыя и Гайнана Хайри.

Я не помню отца праздным. Он был из тех, кто, говоря словами поэта Фарита Габдрахимова, даже с метлой в руке будут работать на совесть.

Когда институт разрешал работать дома, он целыми днями сидел в своём кабинете или гостиной и от руки писал статьи, книги, разделы коллективных монографий, правил машинописные копии, часто – чужие рукописи.

Отец любил путешествовать. Часто работал в домах творчества. В Переделькино и Голицыно дружески общался с Чингизом Айтматовым, поэтом Арсением Тарковским, философом Валентином Асмусом. Встречался с московскими писателями – татарами и башкирами Вилем Ганиевым, Миргазияном Юньсом, Анатолием Генатулиным, Раулем Мирхайдаровым, Азатом Абдуллиным. Беседовал с ветеранами татарской литературы Амирханом Еники и Хаем Вахитом во время их приездов в Уфу.

За границей был лишь раз – в ГДР в составе делегации, а по Союзу ездил немало. Будучи председателем республиканского правления общества «Знание», не только читал лекции в городах и районах Башкортостана, но и посещал научные конференции в разных частях страны. Побывал в Узбекистане и Казахстане, Туркмении и Кыргызстане, в Белоруссии и Украине, Литве и Молдавии, Грузии и Армении, в городах России, главным образом Урала и Поволжья. Во многих – не по одному разу и прежде всего, разумеется, в городе его юности – Казани. Там встречался с друзьями – Гаррифом Ахуновым, Ибрагимом Нуруллиным, Нуриханом Фаттахом, с бывшими однокашниками поэтом Ильдаром Юзеевым, педагогом-языковедом Абдуллой Асадуллиным, с литераторами более молодого поколения Талгатом Галиуллыным, Флюном Мусиным и другими.

Поездки по стране помогли ему в одном из главных направлений деятельности – исследовании межнациональных связей башкирской литературы с литературами народов страны. Итогом этой работы явилась монография, изданная в 1976 году в Уфе и в 1979 – в Москве, в издательстве «Наука». Книга получила высокую оценку литературной общественности на VII Всесоюзном съезде

Дням Атнабаев, Тахир Ахунзянов, Амирхан Еники и Суфиян Сафуанов в редакции журнала «Толпар», г.Уфа

В кругу семьи. Фарит, Альфия, Ильдар с родителями (слева направо)

Ветеран татарской общины Москвы

писателей, в рецензиях на неё, опубликованных в журнале «Вопросы литературы», в «Литературной газете», в «Литературном обозрении». Суфиян Сафуанов подготовил и опубликовал двухтомный библиографический справочник по этой теме.

Его эрудиция была хорошо известна, и С. Сафуанова много привлекали к работе в энциклопедических изданиях. Он написал сорок статей для Краткой литературной энциклопедии, десятки статей для третьего издания Большой советской энциклопедии и еще десятки статей для энциклопедий других братских республик и народов. Статья о нём самом вошла в 9-й том Краткой литературной энциклопедии в 1978 году.

Он является также автором монографии о башкирской детской литературе, разделов исторических трудов о башкирской и татарской литературе и изданной Институтом мировой литературы имени М. Горького «Истории многонациональной советской литературы».

К сожалению, в разгаре этой деятельности наступили «лихие 90-е». В 1993 году отец был вынужден уйти из научного учреждения, в котором непрерывно отработал весь свой трудовой стаж.

Известен афоризм: «Если судьба преподносит тебе кислые лимоны, делай из них лимонад». Так и Суфиян Сафуанов использовал вынужденный простоя в официальной научной службе самым плодотворным образом. С головой окунулся в дело возрождения и развития татарской литературы в Башкортостане. Одним из первых исследовал башкирский период жизни и творчества Гаяза Исхаки, открывал неизвестные или скрывающиеся по идеологическим причинам произведения Сагита Рамиева, Мажита Гафури и других писателей.

Возглавил литературные отделы во вновь созданных татарской газете «Гасыр» и журнале «Толпар». Почти в каждом номере журнала появлялись его материалы, посвященные неизвестным страницам истории татарской литературы, связей татарских писателей с Башкортостаном. Он поддерживал пишущих на родном татарском языке молодёжь, помогал им советами, редакторской правкой, дал путевку в жизнь их первым произведениям.

Его коллегами и единомышленниками в этот период жизни были Ангам Атнабаев, Марат Каримов, Фарит Габдрахимов, Тагир Ахунзянов, Расих Ханнанов. Печатались Суфиян Сафуанов и в журналах Татарстана – в «Мирасе», в «Аргамак». Равнодушие успехов талантливый писатель, вошедших в литературу в 1960-е – 70-е годы: Туфана Миннуллина, Равиля Файзуллина, Рената Хариса, Рината Мухаммадиева и других.

Тяжело далась ему борьба (вместе с Римом Идиятуллиным, Раифом Амировым, Марисом Назировым и другими) за создание в Башкортостане организации писателей, пишущих на татарском языке. Это отнимало много времени и сил, пришлось рисковать здоровьем и благополучием. Однако усилия были не напрасны – Союз

писателей Башкортостана в результате учредил в своём составе секцию татарских писателей. Появились в Уфе татарские литературно-художественные журналы, газеты, в государственных издательствах стали издаваться книги на татарском языке.

В 1996 году его пригласили на работу в Башкирский государственный педагогический университет, избрали профессором, заведующим вновь организованной кафедрой татарского языка и литературы. В трудное, кризисное время он наладил работу молодой кафедры, организовал создание новых учебных программ и издание современных учебных пособий, научную работу преподавателей и студентов. Разработал совершенно новую учебную дисциплину «Татарское литературное краеведение Башкортостана», написал учебные пособия для этого курса, например, «Габдулла Тукай и Башкортостан». Руководил научными работами студентов. Даже в последний день своей жизни давал он консультации по дипломным работам.

Итогом продолжавшейся всю жизнь работы по исследованию татарской литературы, связей этой литературы с Башкортостаном явилась изданная к его семидесятилетнему юбилею книга «Духовные мосты» («Рухи күперләр») – его своего рода «лебединая песня».

Книга содержит богатые материалы, ранее неизвестные и ценные для изучения жизни и творчества крупнейшей татарской писательницы Габдуллы Тукай, Гаяза Исхаки, Сагита Рамиева, Галимджана Ибрагимовича, Хади Такташа, Мусы Джалиля, Хасана Туфана, Кави Наджи, Фатиха Карима, Наки Исанбета, Мирсая Амира, Ахмета Ерикеева, Амирхана Еники, Гази Кашшафа и других. На мой взгляд, книга представляет интерес для всех, кто неравнодушен к судьбе родной литературы, и могла бы служить полезным пособием для обучения студентов, специализирующихся по татарской литературе не только в Башкортостане, но и в Татарстане.

Я убеждён, что жизнь и работа отца могут служить примером страстного и бескорыстного, порой самоотверженного служения родной литературе, родному языку, творческому наследию родного народа. Он написал более четырёхсот работ общим объёмом около 200 авторских листов (это 4000 страниц), из них половину объёма составляет дюжина его книг. Архив его рукописей хранится в академическом Институте истории, языка и литературы в Уфе. Уже появляются научные статьи, посвященные его наследию. В педагогическом университете в Уфе и в родном районе проводятся научные чтения его памяти. Поэтому есть надежда, что не забудется его вклад в духовную жизнь народа.

Кто видит его впервые никогда не поверит, что ему исполнилось 90 лет. Это и неудивительно. Потому что **Ахмет Габдрахманович Галимов** всегда в деле, в трудах и заботах на благо общества. Он всегда на виду, в эпицентре событий, происходящих в татарской общине столицы, а зачастую выступает и его непосредственным организатором. И это уже в течение нескольких десятилетий. И особенно с тех времен, когда татары, проживающие в Москве, вдохновленные идеями возрождения, исходящими из Татарстана, активно включились в этот процесс, начали самоорганизовываться, создавать общественные организации, различные культурно-просветительские общества. Ахмет Галимов был в числе самых первых и энергичных. Таковым остается и сегодня.

Казалось бы, зачем это ему нужно? Он педагог по образованию и выпускник Военного института иностранных языков (кстати, поступил он туда еще будучи солдатом срочной службы). Имеет богатый опыт работы в различных союзных структурах. Владеет несколькими иностранными языками, в том числе китайским, японским, турецким. Свыше 20 лет отработал старшим научным сотрудником в Научно-исследовательском институте межотраслевой информации, затем ведущим специалистом в Госплани и Госснабе СССР, во Всесоюзном НИИ научно-технической информации Академии наук и Госкомитета по науке и технике. Автор глубоких аналитических статей о науке, технике, экономике зарубежных стран и т.д. Имея такой богатый послужной список, Ахмет Галимов даже в наступивших пертурбациях перестройки вполне обеспечил бы себе спокойную и безбедную жизнь. А тут «ввязался» в неблагодарную и мутную общественную жизнь.

Но надо знать родословную Ахмета Габдрахмановича, его генетические корни, увлечения и круг интересов, его устремления, характер, и тогда многое станет ясно. А корнями его родословная уходит в XVI век. Он исследовал свое «генеалогическое древо» до десятого колена. Бабушка Ахмета, Хусния эби, приходится правнучкой известного татарского поэта первой половины XIX века Габдельжаббара Кандалий и, по теплым воспоминаниям Ахмета Габдрахмановича, была весьма просвещенной и образованной для своего времени женщиной. Именно она привила маленькому Ахмету любовь к родному языку, народным традициям и обычаям, развила в нем любознательность, стремление к знаниям, самосовершенствованию и желание поделиться, передать эти качества окружающим.

Родился наш ветеран 28 января 1928 года в селе Татарское Урайкино Старомайского района Ульяновской области в крестьянской семье. Начальное образование получил в родном селе. После завершения Мелекесской педагогического училища судьба его забросила в Узбекистан, где работал учителем русского языка и литературы в узбекских школах.

В конце 80-х и начале 90-х годов, в период гласности, в среде московских татар резко активизируется движение за национально-культурное возрождение, самосохранение в условиях мегаполиса. Появляются татарские культурные общества и объединения, идет борьба за возвращение «Дома Асадуллаева» его исконному хозяину – татарской общине Москвы, за открытие татарских школ

и детских садов. В первых рядах этих энтузиастов был и Ахмет Галимов. В эту же пору ряд энтузиастов задумывают создать в Москве газету «Татарские новости». Их идею горячо поддержали живущие в Москве и работающие в разных изданиях, государственных и образовательных структурах соотечественники, журналисты и ученые. Известные историки Абдулхан Ахтамзян, Агдас Бурганов, Шамиль Мухамедьяров, писатели, поэты и газетчики Кутдус Давлетшин, Рафис Измайлов, Ямиль Мустафин, Назифа Каримова, Ахмет Саттар, Наиль Аксянов, Мухаммад Миначев, братья Афиатулла и Алим Кучушевы... Вот первый костяк энтузиастов, которые заложили основу «Татарских новостей» и безвозмездно на протяжении нескольких лет выпускали единственную в Москве татарскую газету. В их числе был, разумеется, и Ахмет Галимов, который с первого же номера активно включился в выпуск газеты. Его статьи на русском и татарском языках по истории татарской общины и мусульманской уммы Москвы, национальных и культурных традициях народа, его знаменитых представителях, живших и живущих в столице, как и его устные выступления на различных мероприятиях, призывающие к объединению, единству, находили горячий отклик у читателей.

Да и сегодня его перо не притупилось, умный, мысли светлые. Статьи и публичные его выступления по-прежнему удивляют глубиной, актуальностью, болью за свой народ, за сбережение родного языка, национальных традиций, культуры.

Прекрасно владея родным языком и обладая обширными знаниями в области татарской культуры, А.Г. Галимов ими делится не только в татарской общине, с удовольствием пропагандирует и в общегородских мероприятиях, внося существенный вклад в обеспечение межнационального мира и согласия в столичном мегаполисе.

В годы Великой Отечественной войны Ахмет Габдрахманович работал в колхозе. Награжден медалью «За доблестный труд в годы ВОВ 1941-1945 гг.». Награжден юбилейными медалями Победы в ВОВ, юбилейными медалями Москвы, «Ветеран труда».

Юбилею в эти дни и месяцы было преподнесено немало подарков и наград за большой вклад в сохранение традиций, обычаев, культуры татарского народа, в возрождение национальных духовно-нравственных ценностей.

В свою очередь, и редакционный совет, коллектив Федеральной просветительской газеты «Татарский мир» от имени своих читателей искренно поздравляют Ахмета Габдрахмановича с юбилеем и желают крепкого здоровья, новых творческих успехов во благо и процветания родного народа и Отечества.

На федеральном сабантуе в Астрахани. 2017 г.

Рамзия Габдулхакова

Сама же и ответила:

- А, давай, за любовь! Ты не удивляйся, я же пришла в этот мир в поисках любви... И за тобой... Понимаешь, Ты – для меня весь мир! Я нашла тебя... и тут же потеряла... Почему так случилось?

- Ты опьянела.

- А я и не трезвела. Всю жизнь пьяная. Живу как в тумане. Ты не понимаешь, не знаешь... Вся моя душа покрыта льдом. Я хочу растопить его, хочу согреться. Одинокие всегда мерзнут, им всегда зябко... Понимаешь это, понимаешь?! Нет... будет лучше, если ты этого никогда не поймешь...

Женщина яростно вытерла катившиеся из глаз слезы и соскочила с места:

- Я хочу танцевать! Пошли, потанцуем!

Мужчина покачал головой.

- Ты трусишь! - сказала женщина. - Боишься, что кто-то узнает тебя, увидит со мной...

Отмахиваясь, как будто хотела от кого-то избавиться, она направилась в сторону танцплощадки. Из мощных динамиков орала группа "Иванушки": "Тополиный пух, жара, июль!" Безмерно радуясь этому, люди прыгали и танцевали, как дикари. Женщина тоже затерялась в этой кишашей толпе.

Когда она подошла к столу, мужчина курил сигарету.

- Ну, довольна, наконец?

- Нет ещё! Я сама не знаю, чего хочу. Душа куда-то рвется...

И вправду, на ее лице, пылающем как ночной костер, в искрящихся глазах не было и тени спокойствия. Наконец, неугомонный взгляд женщины остановился на виднеющемся издали высоком чертовом колесе, и она, как дитя, радостно захлопала в ладоши.

- Покатаемся на качелях!

- Ты - как ребёнок.

- Да, я ребёнок. А ты – дедушка! Черноволосый молодой старик...

Женщина вдруг загрузила. В один миг потухли сверкающие в глазах искорки. Слово играющий в прятки малыш, она закрыла руками безрадостное лицо. Сквозь дрожание пальчики вперемешку со слезами полились отрывистые слова:

- Ты... ты... Ты так скучно живешь... Казань – каменный город... А камень никогда не будет теплым...

Мужчины любят жизнерадостных женщин. Тех, кто плачет, или жалеют, или обвиняют. Слезы нарушают их покой. Мужчины не умеют утешать плаксивых женщин...

- Ты сегодня странная какая-то.

- Возможно...

Перестав всхлипать, женщина вытащила платок из маленькой сумочки, вытерла слезы. Чувствуя неловкость, что показала себя слабой и жалкой, изменила тему:

- Давай, поднимемся в небо! К тебе - на седьмое небо! Нет выше, еще выше – на сороковой этаж...

- У меня кружится голова.

- Тогда зачем рвешься вверх? Живи на земле, среди людей.

- А теперь ты убегай, поднимись на свое небо. А мне и здесь хорошо.

- Ну, сын Земли, передай от тебя привет Луне? Ты же любил ее. Помнишь, в день твоего рождения всю ночь гуляли на улице. Тогда Луна была полная. Ты тогда сказал, она несчастна, потому что одинока, что Луна будет всегда завидовать нам, потому что мы всю жизнь будем вместе. А теперь...

- Видимся же.

- Во сне?

- Жизнь и так сон...

- Не так жизнь проходит... проходит без тебя, - вздохнула женщина, обратив обиженный взгляд в неизвестность.

- Не печалься, - сказал мужчина. - В этом мире есть ты, есть я! Разве это не счастье?

- Да, это счастье.

Словно ее ожидала какая-то большая радость, ринулась к веселым качелям, которые, как маленькие колыбели, путешествовали меж небом и землей. Ее нежное голубое платье, будто легкое облачко, медленно отделилось от земли, а потом и вовсе исчезло...

По пути домой, женщина спросила:

- Из-за меня столько времени потерял, не сердись?

- Какой резон, ведь день прошел, - сказал мужчина.

- Ты даже врать не умеешь. Хоть ради душевного спокойствия сказал бы что-нибудь приятное.

...Даже подойдя к гостинице, она не спешила расстаться со своим спутником и села на одну из скамеек во дворе:

- Такой приятный вечер. Тепло, тихо.

Город, уставший от шума, погружался в объятия темной ночи, а на крышу пятиэтажного дома старательно карабкалась потерявшая свою половину Луна, напоминающая часть яблока. Ее холодные лучи нежно приласкали грустное лицо женщины. Устремив задумчивый взгляд навстречу сырым очам Луны, женщина тяжело вздохнула:

- Каким бы длинным не был и этот день исчезнет в пропасти. Все тоньше становится клубок жизни. - То ли от избытка чувств, то ли желая спрятаться от тоскливых лучей Луны, она опустила голову. - Сегодня мне было очень весело... От души поговорила с тобой...

После долгого молчания, как будто стыдясь своих слов, она тихо прошептала:

- Спасибо тебе, дорогой мой человек... «Мой дорогой...» Какое ласковое слово, не правда ли? Такое мягкое, теплое, пушистое... Много на свете ласковых слов, но мы прячем их в глубине своих душ. Там и лежат, а потом умирают... Потому что мы стыдимся говорить их друг-другу. Жаль, правда? А ты молчишь. Твое молчание убивает меня. Скажи же хоть что-нибудь! Хотя бы просто так скажи, соври, что ждал, скучал...

- Я пойду, - сказал мужчина. - Ты уж отпусти меня. Дома, наверное, ждут.

- Приятно, наверное, когда тебя кто-то ждет... дверь тебе открывает... И ключи потерять не страшно...

- Эй, мадам! Что грустим? Скучно небось одной?

... В один миг исчезла тонкая пелена между Мечтой и Реальностью. Женщина вздрогнула:

- Я не одна!

Появившийся, как джинн из бутылки, бродяга, качнувшись, как камыш на берегу Агиделя, нагнулся ближе:

- Али я слепой? Может, он такой маленький, как букашка и невидимый...

Покрутив у виска своими скрюченными пальцами, пьяница сказал:

- Глупая ты женщина, сумасшедшая!

Но сам почему-то топтался возле этой "глупой" женщины. Она молчала. Бедный человек, изливая душу в свой грязный воротник, исчез...

Женщина взглянула на темные окна гостиницы:

- Завтра с утра в дорогу. Я уезжаю... А ты остаешься... Чтобы остаться здесь, ты ставил меня плакать... Женился на горожанке, стал большим человеком... Нет, нет... я не обижаюсь... Просто скучаю... Очень скучаю...

Расчесав волосы холодными пальцами, женщина вновь устремила свой взгляд на Луну, словно ожидая от нее одобрения и утешения.

Луна, горбатой спиной опершись на чью-то антенну на крыше, тоже печально глядела на нее. И сказанные шепотом последние слова женщины услышала только она – тысячелетиями купавшаяся в грусти Вселенной и бороздившая океан Одиночества.

Одинока не только Луна, но и люди одиноки... Одиноки...

- У меня сегодня отличное настроение, - сказала женщина. - Давай, погуляем...
- Я не против, - сказал мужчина.
По улице Баумана направились в сторону Кремля. Разговор никак не клеился... Шли молча.

Странное ощущение охватывает тебя в конце улицы Баумана. Есть вероятность того, что забываешь, где ты и в каком веке находишься, словно натыкаешься на невидимую временную пограничную стену.

Но именно на этом месте женщина, будто бы очнувшись от сна, промолвила:

- Казань прекрасный город! Во времена нашей молодости столица, кажется, не была такой. Правда, многое переменялось. Со старыми домами исчезает, и теряются ценные воспоминания...

- Город – не захоронение для прошлого, что ушло - тому место в свалке, - ответил мужчина. - Надо жить будущим.

Кажется, разговорились. Хоть и с трудом, но огромный клубок всё же двинулся с места. Только бы не потерять конец нити. А он должен быть в руках женщины. Не то спутается, порвется. А клубок пусть себе катится, пусть...

- А я боюсь старости, боюсь остаться без работы, - сказала женщина. - Вышедших на заслуженный отдых людей ожидает только одиночество. Боясь одиночества, прячась от себя, человек растворяется в толпе, ищет разные утешения для души. Но невозможно опереться на пустой мешок...

- Странная философия.

"Он меня не понимает... Не понимает, потому что мы пассажиры разных кораблей," - подумала женщина.

- Может, я глупая, все еще блуждаю в прошлом. Потому что... там есть ты.

- Там нет ни меня, ни тебя, мечтательница! - сказал с усмешкой мужчина. - На двери прошлого века красуется железный замок, а ключи похищены временем. Даже если, сломав замок, сможешь открыть дверь, всего лишь скатишься в темную пучоту. Проворные и пронырливые, захавав жирные хорошие куски, давно уже едут в телеге современности. А ты...

- А я хожу пешком. Только так чувствуешь земную теплоту, дыхание вселенной, слышишь биение своего сердца.

"Нет, так нельзя. Беседа получается слишком напряженной, книжной. Надо быть попроще," - подумала женщина и улыбнулась.

- Лето двадцать первого века слишком жаркое, не правда ли? Может искупаемся? Видишь, как много отдыхающих на том берегу Казанки...

Дамбу через Казанку прошли пешком. На берегу было сравнительно тихо, во всяком случае, можно было услышать друг друга. Женщина проворно сняла свое голубое платье и побежала к речке. Переборов чувство холода, несколько раз окунулась и позвала своего друга:

- Такое блаженство! Иди же сюда, искупаемся...

- Нет, - ответил мужчина. - Я посижу.

Женщина была рада своему спасению от изнуряющей жары и палящих лучей солнца в объятиях воды. Увлекая на своем теле изумрудные капли Казансу, она вышла на берег.

- Вода такая теплая! Даже выходить не хочется.

- Ну, и купалась бы всю ночь, кто ж тебя гонит?!

Женщина села на теплый песок, обхватив руками мокрые колени.

- Смотри-ка, какой прекрасный вид на Кремль с этого берега! Такой безупречный ансамбль, как в сказке...

Недалеко от берега, в лодке, одиноко качавшейся на глади воды, прижавшись друг к другу, сидели парень с девушкой. Они не замечали голубоглазую Грусть, наглодавную за ними с восхищением и завистью. Двое беспечных счастливиц из страны под названием Юность, оторвавшись от реального мира, попали сюда и потерялись на таинственном острове Любви. Их глаза, полные нежности и ласки, были обращены друг в друга.

...Лодочка Любви, укрывшая в своих объятиях двух мечтателей, неспешно отделилась от берега...

- Ты в Казани по работе или приехала на город посмотреть?

- Ты же знаешь... Я соскучилась... хотела увидеть тебя...

Мужчина не ответил, лишь вздохнул.

- А ты... - спросила женщина, нежно рисуя его имя на горячем песке. - Ты скучал по мне?

Несмотря на ожидание, ответа не последовало.

Положив голову на колени, женщина стала расчесывать пальцами свои мокрые волосы, словно пыталась смести из головы все свои тяжелые мысли. Когда же приподняла лицо, можно было увидеть ее печальные глаза, наполненные слезами.

- Ты изменился, - сказала она. - Ты стал другим, важным человеком. Вот оно то место, где ты работаешь, обитаешь на небесном седьмом этаже. Ни землю не видишь, ни людей. Свысока они, наверное, кажутся тебе крохотными... Но не забывайся, ведь и они тебя не замечают. Для встречи с ними надо спуститься вниз, а не наоборот. Весь народ не может подняться вверх, да и не предполагает о вашем существовании...

- Ты не права. Я журналист, служу народу, - ответил мужчина.

- Да, служишь народу... Но не замечаешь людей. Ты ведь и меня не видишь.

- Почему же, вижу, ты сидишь напротив меня. Голубоглазая, черноволосая...

- А что у меня на душе? Что волнует, тревожит меня? Чему я радуюсь, как живу, ты знаешь?..

- Откуда мне знать, не рассказываешь.

- А ты не спрашиваешь...

- Ну, тогда спрошу: как у тебя дела?

- Нет, так неинтересно.

Женщина пальцами выгребла дорогое имя, только что старательно выведенное на песке. На земле остались только хаотичные борозды. Вот так же, с легкостью вычеркнуть бы это имя из своего сердца! Увы и ах...

- Пойдем, посидим в каком-нибудь кафе. Хочется развлечься.

Мужчина не возражал.

В летнем кафе и столы, и стулья были белоснежными. В длинноногий изящный фужер пролилась золотая пена. Будто желая оживить и околдовать напиток, находящийся в руке, женщина некоторое время смотрела на бокал и с улыбкой произнесла:

- За что же пьем?

Перевод **Зульфии Сахаповой**

Юлдуз Миннуллина

Родилась в 1985 году в Казани. Окончила Казанский государственный университет, факультет филологии. Работала в детском журнале "Ялкын". Публиковалась в журналах "Огни Казани", "Идель".
Лауреат премии Сажида Сулеймановой.

* * *

* * *

На промороженном окне от пальца след-глазок —
доймовая Казань бесчувственна.

Молчит.

Такой мороз рябины горечь обращает в сок
и сморщенная ягода ни капли не горчит...

От остановки к остановке

город всё мутней,

накрыло пеленой дома

в проталине-глазке...

В один и тот же день

на Володарского в окне

который год старушка вяжет тёплые носки...

Из года в год,

от запаха снежинок захмелев,

плетётся старый лодочник,

шатаясь,

в мёртвый порт...

Мужчина средних лет,

взбешённый, словно лев,

не слыша криков: «Стой!»,

не видя никого в упор,

и, забыв, конечно, напрочь о том, что вскоре

придёт раскаянье,

уходит належке.

Ему вослед летит герань в горшке,

поставив на сугробе точку в споре...

В такую зиму,

когда трещат и лопаются клёны,

твой город будет всё мутнее и мутней

от остановки к остановке

в потоке дней,

пока его не обогреешь

дыханием влюблённым.

* * *

до нас

не дотянутся пальцы солнца

здесь хрусткий наст

здесь

отчуждённо стучат два сердца

у нас

о нас

здесь

две избушки и две щеколды

две створки рам

здесь

в безвоздушной бездушной колбе

горит вольфрам

здесь

для молчанья невятный повод

здесь мутный дым

с календаря подлетает к полу

совсем седым

осени месяц последний самый

тоской забит

нет продолженья у этой саги

окна закрой

знобит

Что Идель, как сейчас там Идель?

Что Идель?

А Идель вся в снегу.

Вплавь не выйдешь бескрайний простор.

С маяка, что на том берегу,

Ветер мартовский режет снега на бегу,

Что речной метеор.

Что Идель?

А Идель подо льдом.

На плечах палантинном лежат облака.

Горизонт различаешь с трудом.

Ветер бесится, словно бульдог,

Разрывая бетонную кость маяка.

Но однажды

В ночи полной грудью вздохнёт,

Пробуждаясь от спячки Идель,

Разрывая ледового панциря гнёт.

И маяк небесам озорно подмигнёт.

Зазвонит а капелла капель.

Незнакомый орнамент знакомой души

Гладью вышьет луча канитель...

Это будет весной, а сегодня в тиши

Подо льдом никуда ни к кому не спешишь

Катит грустные воды Идель.

* * *

Вперёд смотри —

сегодня

у города внутри

есть только ветер...

Людьми к земле пристёгнутое небо

сегодня

чернее смолы на белом свете.

Вокруг смотри —

сегодня

крушатся стены

да стекла бьются.

Людские тени над ними выются —

людские тени

поют,

смеются.

Глаза протри от вчерашней пыли

и кулаки сожми, что есть силы,

так, чтобы кровью карманы оплыли.

Почувствуй,

толчками

течёт

по жилам

новое

слово:

Мы — живые!

Ты видишь — раскидистый божий тополь?

Сегодня

звывает к нему минарет

о помощи.

Душу сожми, что есть мощи,

Душу до крови сожми

И топай...

Смотри вперёд.

Пророк МУХАММАД

(салаллохи алайхи вассалам)

ХАДИСЫ

Лучшее дело после веры в Бога — есть дружба с людьми.

Если (вдруг) начнется День Суда, и в этот день в руках у одного из вас останется саженец, то он должен посадить его, если успеет.

Бог наставлял вас к стараниям, так старайтесь!

Самые совершенные из верующих — те, которые обладают большим добронравием, и самые добрые из вас — те, которые больше всех добры в отношении жен своих.

Смотри, ты ничем не можешь превосходить краснокожего или чернокожего, кроме как чистотой нравов.

Аллах подкрепляет Ислам и через мужей немусульман.

Как только муж смотрит на свою жену, и жена смотрит на своего мужа, Бог с благословением созерцает их.

Бог не сотворил ни одной болезни без того, чтобы определить лечение его...

Сердце людское подобно воробью — каждый день меняется семь раз.

Бог красив и любит красоту. Бог щедр и любит щедрость. Бог чист и любит чистоту.

Ваша вера становится ветхой как ваша одежда. Попросите Аллаха, чтобы обновил вашу веру в ваших сердцах.

Знайте: Самый зоркий глаз тот, что устремлен к добродетели.

Знайте: Самый острый слух тот, что внимлет словам для бодрствования сердца.

Знайте: Довольство и владение над (своими) телесными желаниями — величайшая чистота и непорочность.

Знайте: Ваше существо оценится только Раем и ничем, кроме Рая. Смотрите, не продешевите себя.

Знайте: Мудр тот, кто принимается за дело, тщательно обдумав и все предусмотрев.

Знайте: Незнающему не нужно стыдиться приобретать знания, ибо мера каждому — знания.

Пробудитесь! Пока (ваши) языки свободны и (ваши) тела здоровы, и в вашем распоряжении, арена широка, возможностей много, и смерть пока не наступила — действуйте!

Долг — это унижение.

Наилучшая дружба — есть дружба сына с друзьями своего отца.

Доброта — есть добрый нрав, и грех — есть те дела, о которых ты, может быть, думаешь, но считаешь непристойным, чтобы и другие знали.

Тот, кто порывает семейные (и родственные) узы, не войдет в Рай...

Вино — это глава всех грехов.

Пророк (саллалоху алайхи вассалом) сказал: «Да быть тому униженным, униженным, униженным». Спросили — «Кому?». Пророк сказал: «Тот, при котором родители достигали старости, но он (через служение им) не заслуживает рая».

Каждый, кто хочет, чтобы прибавилось к его уделу или его смерть была отсрочена, пусть посещает родственников.

Не враждуйте, и не завидуйте. Не оставляйте друг друга. Будьте братьями, не дозволено ни одному мусульманину больше трех дней покидать (прерывать отношения с) своего верующего брата.

Избегайте недобрых подозрений, не разведывайте (в жизни друг друга), не оставляйте друг друга.

Счастлив тот, кому чужие судьбы — пример.

В распространении знаний скупость недопустима.

Каждое доброе дело — это милостыня.

Добрые дела предупреждают внезапную смерть.

Ученые являются хранителями Божьих дарований.

Рай (расстилается) у ног матерей.

Мумин не допускает расточительства.

Мумин — тот, кто жизни и имуществу людей не угрожает.

Каждый понедельник и четверг открываются врата Рая, и Бог всем, за исключением идолопоклонников, прощает грехи, кроме грехов верующего, который враждует с другим верующим.

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

Акчурин Р. С.

Председатель редсовета.
Президент Некоммерческого партнерства «Ватаным» («Мое Отечество»), академик Российской академии наук, почетный академик АН Башкортостана, Казахстана и Татарстана, кардиохирург

Алишина Х. Ч.

доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета

Асадуллин Р. М.

президент Башкортостанской организации «Ватаным», ректор Башкирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор

Ахметшин Р. К.

заместитель Премьер-министра Республики Татарстан – полномочный представитель РТ в Российской Федерации

Володарская Э. Ф.

член правления «Ватаным», ректор Московского института иностранных языков, главный редактор журнала «Вопросы филологии», академик РАН

Давлетшин Г. М.

доктор исторических наук, профессор Казанского федерального университета

Мир-Хайдаров Р. М.

писатель, заслуженный деятель искусств РТ, почетный гражданин Казахстана

Нигматулин Р. И.

член правления «Ватаным», академик Российской академии наук, директор Института океанологии РАН

Рахим Теляшев

журналист-краевед, писатель-историк, заслуженный работник культуры РТ, г. Санкт-Петербург

Ренат Харис

лауреат государственной премии РФ (2006 г.), народный поэт Татарстана, член Совета по культуре и искусству при Президенте Российской Федерации

Главный редактор
Ринат Мухамадиев

Исполнительный директор
Лейсан Ситдикова

Заместитель главного редактора
Марат Сафаров

Художник-дизайнер компьютерной верстки
Султан Каримов

Ответственный за распространение газеты
Ахат Мухамедов

Учредитель:

Некоммерческое партнерство содействия развитию институтов гражданского общества «Ватаным».

Газета зарегистрирована Министерством по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации СМИ
П/И № ФС77-18851 от 10. 11. 2004.

При реализации проекта используются средства государственной поддержки (грант) в соответствии с Распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 №11-рп и на основании конкурса, проведенного Региональной общественной организацией «Институт проблем гражданского общества».

Адрес редакции:

115184, Москва, М. Татарский пер., д. 8.
Телефоны: (495) 951-16-94,
951-02-38 (по вопросам подписки и распространения).

E-mail: tatar.mir@yandex.ru

Подписано в печать
27. 02. 2018

Отпечатано в типографии
ООО «Фолук Групп».

Тираж 15 000 экз.

Ибраим Военный

В Москве на Новодевичьем кладбище у памятника почтили память легендарного сына Отчизны - дважды Героя Советского Союза Амет-Хана Султана. В основном это были представители крымских татар, Дагестана, летчики-испытатели ЛИИ, близкие родственники. По мусульманскому обычаю у могилы Амет-Хана Султана старейшина московской общины крымских татар Асан-агъа Адилев прочитал дуа (молитву).

От летно-исследовательского института имени М. М. Громова выступил Попов Леонид Степанович - Герой Российской Федерации, заслуженный штурман-испытатель СССР. Он рассказал о жизни летчика-испытателя, о его подвигах.

Двоюродная сестра Амет-Хана Султана по матери Аппазова Алла Османовна рассказала о том, каким был Амет-Хан в семейной жизни, о его родителях.

Заслуженный лётчик-испытатель Российской Федерации, космонавт-испытатель, командир космического корабля «Буран», генерал-майор, Герой Российской Федерации Толбоев Магомед Омарович поведал, какой неоценимый вклад внес Амет-Хан Султан после войны в укреплении обороноспособности государства, испытывая новейшие летательные аппараты. Полковник Рамазанов Рамазан Магомедович, сотрудник испытательного центра авиакатастроф, уроженец аула Цовкра в Дагестане, откуда родом был и отец Амет-Хана Султана, поделился о том, как чтят память Героя в Дагестане.

Ярким выступлением запомнился Шейхалиев Астемир Икрамович - профессор кафедры челюстно-лицевой хирургии Первого МГМУ им. И.М.Сеченова, вице-президента культурного центра «Дагестан». «Память Амет-Хана Султана чтят не только в Крыму и Дагестане, но и в тех местах, где он воевал, где приземлился после своего знаменитого тарана над Ярославлем. В деревне Дымокурцы торжественно был открыт мемориальный знак, а в Ярославле - памятник Амет-Хану Султану».

От московской общины крымских татар выступил журналист и общественный деятель Ибраим Военный: «Амет-Хан Султан прославился не только своими военными подвигами на фронтах Второй мировой войны и подвигами как летчик-испытатель в послевоенное время, но он в жизни совершил свой главный подвиг - гражданский. Когда его народ был изгнан из своей родной земли, оклеветан, оскорблен и унижен, Амет-Хан не отвернулся от его судьбы, во всех анкетах упрямо указывал свою национальность как крымский татарин и не поддавался никаким искушениям и благам».

Амет-Хан Султан принимал участие в крымско-татарском национальном движении - он встречался с представителями и активистами, передавал их обращения и заявления в различные государственные инстанции, ставил свои подписи под всеми обращениями. И народ гордился им. Крымские татары безгранично любят его, высоко чтят его память, и никогда не забудут своего верного сына!

Амет-Хан Султан родился 25 октября 1920 году в городе Алушке Крымской АССР в семье рабочего. Отец - Султан, лакец (родом из аула Цовкра, Дагестан), мать Насибе Садла - крымская татарка. Султан рано лишился своих родителей, и покинув родной аул, ушел в поисках лучшей жизни. Судьба его привела в Крым, где подростка приютил Бекир Садла. Он заботился о нем, вырастил его, обучил рабочим специальностям, а в дальнейшем поженил Султана на своей дочери Насибе.

Еще в детстве Амет-Хан стал мечтать о небе. Его поразило, что самолет может летать выше горных орлов, паривших над вершинами Ай-Петри.

В 1937 году окончил 7 классов и поступил в железнодорожное училище в Симферополе. После окончания учёбы работал слесарем в железнодорожном депо в Симферополе. Одновременно учился в аэроклубе, который успешно окончил в 1938 году. В 1940 году по окончании 1-й Качинской Краснознаменной военной авиационной школы имени А. Ф. Мясникова, в звании младшего лейтенанта направлен в 4-й истребительный авиационный полк (Одесский военный округ), дислоцировавшийся под Кишинёвом. Встретил войну в Молдавии.

Амет-Хан Султан в возрасте 25 лет стал дважды Героем Советского Союза (24.08.1943, 29.07.1945). Выполнил 603 боевых вылета, участвовал в 150 воздушных боях, сбил 30 самолетов лично и 19 в составе группы. Заслуженный лётчик-испытатель СССР, лауреат Сталинской премии за испытания пилотируемой крылатой ракеты (1953), подполковник. Награжден тремя орденами Ленина, пятью Красным Знамени. Удостоен орденов Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды и «Знак Почета», многих медалей.

После войны - лётчик-испытатель Летно-исследовательского института в Жуковском, подполковник, заслуженный лётчик-испытатель СССР, лауреат Государственной премии СССР. За время лётной работы он освоил около 100 типов летательных аппаратов, его налёт составил 4237 часов.

Со службой Амет-Хана в ЛИИ связана одна история. Командование ВВС сочло, что оклады летчиков-испытателей слишком завышены по отношению к другим летчиками. А чтобы все выглядело «красиво», дали распоряжение летчикам написать о своём согласии на снижение зарплаты. Амет-Хан написал, как и его коллеги, о согласии, но приписал: «Вот только жена категорически против». И.В. Сталин всегда проявлял интерес к авиации и ходу испытаний новых машин. Когда он увидел приписку именитого лётчика, наложил свою резолюцию: «Полностью согласен с женой Амет-Хана». Оклады для испытателей оставили прежними. Это письмо с резолюцией Сталина хранится в архивах министерства обороны в городе Подольске.

За четверть века работы в ЛИИ (Лётно-исследовательский институт) Амет-Хан Султан активно участвовал в развитии мировой и отечественной авиационной и космической техники.

7 апреля 1959 г. Аметхан Султан выполнил первый полет на экспериментальном самолете (космоплан) конструкции П.В. Цыбина НМ-1, а позже совместно с Р.Ф. Захаровым провел его испытания.

Амет-Хан Султан стоял у истоков подготовки полета человека в космос. На борту переоборудованного ТУ-104М, за штурвалом которого был Амет-Хан Султан, будущие летчики-космонавты впервые испытали невесомость. Космонавт Леонов свой экспериментальный выход в открытый космос также выполнил на борту лаборатории, пилотируемой Амет-Ханом Султаном.

Амет-Хан Султан погиб 1 февраля 1971 года при проведении испытательного полета летающей лаборатории Ту-16 ЛЛ. Похоронен 8 февраля в Москве на Новодевичьем кладбище. Памятник, установленный на могиле, создан по инициативе крымских татар на народные деньги и частично на средства института, где работал Аметхан.

В честь выдающихся заслуг в мире авиации имя Амет-Хана Султана вписано в стелу на авиасалоне в Ле-Бурже (Франция) с надписью «Летчик от Бога». Он входит в десятку лучших летчиков планеты. Его бюст установлен в родной ему Алушке и в столице Дагестана г. Махачкале. В 2010 году в честь 90-летия Амет-Хана состоялось открытие его памятника в г. Ярославле, где он является почетным гражданином города. Бюст Амет-Хана установлен первым на Аллее Славы в г. Киеве (2013 г.), а также в Кировоградской высшей летной академии (2014 г.).

Фатма Аметова вспоминает: «Расскажу о том черном дне, когда хоронили героя. В составе крымско-татарской делегации присутствовал мой муж Ильми Аметов».

Началась похоронная церемония в военном городке Жуковский, в клубе летчиков, в тот день хоронили пять членов экипажа. В центре зала были установлены 5 гробов, в которых покоились останки команды Амет-Хана Султана. Рядом находилась трибуна, на которую выходили по очереди выступающие. Были высшее командование СССР, делегация из Дагестана, члены правительства. До начала церемонии в список выступающих включили и делегацию крымских татар. В итоге, по понятным причинам, выступили все, кроме крымских татар. Организаторы в ответ на их возмущение пообещали предоставить слово на кладбище.

Рано утром все собрались у клуба летчиков, многие пришли с венками по полтора метра в высоту, а на лентах тексты - «Славному Сыну крымско-татарского народа, летчику-испытателю, дважды Герою Советского Союза от крымских татар города Ташкента». Московская группа написала очень скромно: «От соотечественников». Также были венки от различных регионов, откуда приехали участники церемонии. Ильми Аметов и Дильшад Ильясов несли венки. Затем все на машинах поехали в Москву на Новодевичье кладбище. Процессия выстроилась, и все пошли к месту погребения. Крымско-татарская делегация возложила венки к могиле Амет-Хана Султана, но группу стали оттеснять в сторону от трибуны, явно давая понять, что никому не дадут выступить. Очень хотели скрыть от всех факт, что Амет-Хан крымский татарин. Сама трибуна была оцеплена милицией и сотрудниками КГБ. Ильми Аметов и Дильшад Ильясов сумели протиснуться к трибуне. Они оказались у изголовья могилы, которая была накрыта белой буркой, положенной дагестанцами. Как вспоминал Ильми Аметов, все, кто был из мужчин возле могилы, сняли головные уборы, в том числе и делегация дагестанцев. Обратив внимание на то, что Ильми и Дильшад не сняли головные уборы, им стали делать замечания. Тогда Ильми громко сказал всем присутствующим: «У моего народа есть традиция - когда человека провожают в последний путь, то не снимают головных уборов». Делегация дагестанцев стояла в бурках, папах и в них в руках, после слов Ильми они тут же надели свои папахи. Ильми сказал: «Дильшад-ага, начинай!». Они сели на корточки у изголовья могилы и начали читать молитву, дагестанцы тут же присоединились к ним, подняли руки, присев на корточки перед могилкой. Так крымские татары проводили в последний путь Крымского Сокола - Амет-Хана Султана».

Из выступления близкого друга Амет-Хана Героя Советского Союза **Владимира Илюшина**: «Мой друг Амет погуб. Он дважды Герой Советского Союза. Знайте же - по-настоящему - он четырежды Герой Советского Союза. Но ему не дали этого заслуженного звания. Амет - лауреат Государственной премии. А по-настоящему - лауреат не одной премии, но ему не дали того, что он заслуживал... Подобных летчиков я не знал...».

Письмо Амет-Хана Султана в Политбюро ЦК КПСС: «Любовь и беспредельная преданность великой Родине не исключают любви к родному краю, к родным местам, могилам своих предков, наоборот, эта последняя любовь украшает и усиливает любовь к великой Родине, она украшает и обогащает человеческое счастье... Великая наша Родина состоит и из наших родных краев: великая дружественная семья советских народов состоит из наших народов, из наших семей. Всё, что мешает миру, счастью семьи и народа, должно быть заботливо изучено и устранено, ибо от этого зависит мир, дружба и могущество нашей страны, нашего народа. Исходя из этих убеждений, во имя дружбы и счастья всех народов, я - сын своего народа, вместе с тем беспредельно преданный Великой Родине, родной Коммунистической партии - гражданин СССР - сын советского народа, обращаюсь к ленинской партии с просьбой:

1. Народ мой унижен, оскорблен тем, что безвинно, без нужды и основания выслан из родного края. Верните его в родной край - Крым.

2. У народа отнято равноправие. Восстановите это равноправие, верните его в монолитную дружественную семью народов СССР как равноправный народ.

Дважды Герой Советского Союза Амет-Хан Султан.
г. Москва, 5 февраля 1965 г.».